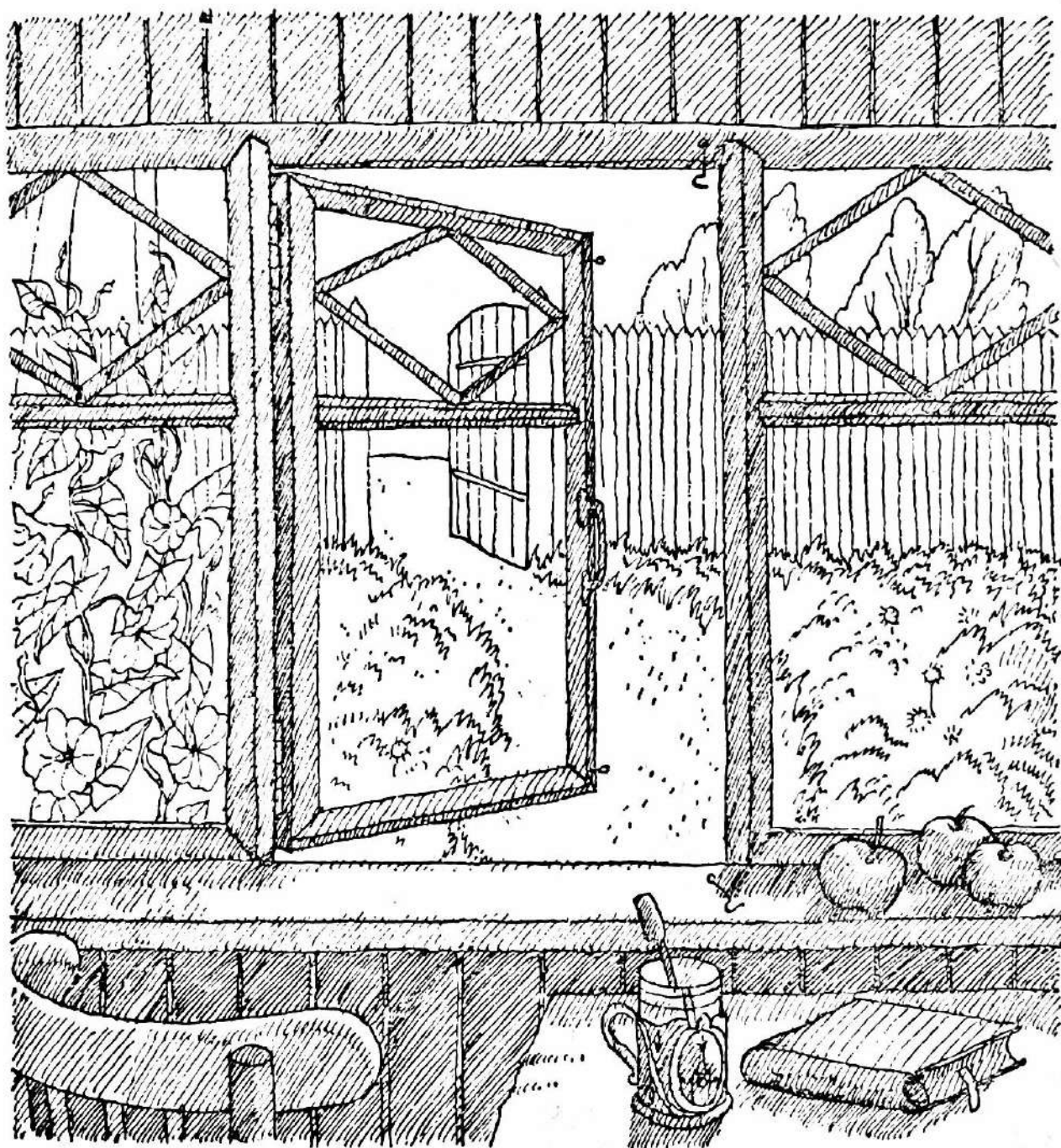

ПОТЕРЯННЫЙ СЫН

Мелодрама
в трех актах

Действующие лица

Охотников Николай Иванович
директор школы, 57 лет.

Лиза
его жена, преподавательница пения, 49 лет.

Антон
их сын, 32 лет.

Петр
их приемный сын, врач, 34 лет.

Наташа
его жена, газетный работник, 28 лет.

Ирина
хорошая знакомая Антона, литературный деятель, 40 лет.

Шварц Николай Эрнестович
инструктор облздрава, 65 лет.

Черемушкина Анна Трофимовна
заведующая библиотекой, 48 лет.

Молодцов Анатолий Андреевич
заведующий райздравом, 36 лет.

Действие происходит в июне 1955 года на окраине небольшого районного города в доме Охотниковых. Между первым и вторым актами проходит восемь дней; между вторым актом и третьим — одна ночь.

Акт первый

Картина первая

*Июнь. Скоро наступит вечер.
Старый деревянный дом, окруженный тенистым садом.
Друг против друга у калитки стоят Петр и Наташа.*

Петр. Ездил в город?

Наташа. Да...

Петр. Тебе красиво волосы уложили.

Молчание.

Не оставляй меня одного. *(Неловко становится перед ней на колени.)* Я умру без тебя.

Наташа. Ты сумасшедший. И вообще все это глупо, неделями ты жил без меня... Уезжал на строительство новой больницы и по телефону справлялся о моем здоровье. Но вот едет Антон, и ты... Все это глупо. Встал зачем-то на колени...

Петр *(упрямо)*. Я пропаду без тебя, пропаду — поняла?

Наташа. Пропадешь? *(Улыбнулась.)* Где тебе...

С веранды сбегает разгневанный Шварц.

Шварц *(показывая на стакан, который он принес)*. Так вот, любезный Петр Николаевич, я просил ставить мне на стол после обеда простоквашу... Простоквашу, а не кислое молоко! Вам не кажется, что есть некоторая разница между двумя этими предметами?

Петр *(спокойно)*. Область прислала вас ревизовать мою больницу, вы явно недовольны мною как главврачом и, вероятно, сделаете соответствующие выводы. К сожалению, товарищ Шварц, в городской гостинице нет свободных номеров, и я поместил вас у себя. Однако на этом мои благодеяния заканчиваются. И если вы полагаете, что я со

страху буду плясать перед вами на задних лапках, то вы явно заблуждаетесь. *(Учтиво.)* Вам ясна картина?

Шварц *(сдержанно)*. В общих чертах — да. Но я не убежден, Охотников, что вам следует относиться ко мне с юмором. Тем более что юмор весьма скоро может вам очень и очень пригодиться. *(Помолчав.)* Постарайтесь, чтобы завтра мне принесли простоквашу, я больной человек. *(Уходит.)*

Наташа *(не сразу)*. Зачем ты сердишь его?

Петр. Пусть знает, что я его не боюсь... *(Усмехнулся.)* А им, вероятно, хотелось бы меня слопать... Молодцову и другим.

Наташа. Им, наверно, с тобой тоже не весело.

Петр. Надеюсь. *(Помолчав.)* А ведь, пожалуй, нет ничего проще, чем быть так называемым беспокойным человеком. Резать правду-матку в глаза — этому и дурака учить не надо, а?

Наташа. Пожалуй.

Пауза.

Петр *(непоследовательно)*. Ну и что? Зато дело, которое я делаю, самое нужное на земле.

Наташа. Свысока на других смотришь.

Петр. Конечно.

Наташа. А почему так решил?

Петр. Стал бы я заниматься не самым нужным.

Наташа *(задумчиво)*. Это довод.

Петр. Уж конечно... не с блокнотиками бегать. *(Усмехнулся.)*

Наш корреспондент.

Наташа. Газету не трогай.

С улицы в калитку входит Николай Иванович.

Николай Иванович. Ссоритесь? Или миритесь?

Наташа. Удивляемся.

Николай Иванович. Чему?

Наташа. Друг другу.

Николай Иванович. Что ж, удивляться есть чему.

Слышно, как наверху, в доме, Шварц поет арию Надира.

Ревизор поет... Не убрался еще?

Петр. Кладет последние штрихи.

Николай Иванович. Боишься?

Петр. Вероятно.

Николай Иванович (*подходит к Петру, внимательно и нежно смотрит на него*). Седеть начал, сын. (*Обернулся.*) Ты мне его не обижай, Наталья. (*Уходит в дом.*)

Петр. Слыхала?

Наталья (*раздумывая*). Любит он тебя.

Петр. Родной-то сын в Москву укатил. Приемный остался. Трогательно.

Наталья. Ты и над ним смеешься?

Петр. Над ним? Ты что!.. Я за старика жизнь отдам... Нет... Над собой посмеиваюсь. Я ведь кто? Заменитель. И. О. Заменитель мужа. Исполняющий обязанности сына. Но вот возвращается из Москвы инфант — и надо уступать место. (*В волнении берет ее руку.*) Как будем жить дальше, Наталья?

Наталья. Как жили.

Петр. А Антон?

Наталья (*тихо*). Петенька, не мучай меня.

В сад входит Черемушкина, робко оглядывается.

Черемушкина. Я не помешала?.. Здравствуйте, Наташенька... Добрый день, Петр Николаевич,— так всегда бывает приятно вас увидеть.

Петр. Ну, рассказывайте.

Черемушкина. Что?

Петр. Рассказывайте, как я вам жизнь спас. Вы всегда при встрече об этом повествуете.

Черемушкина. Так правда ведь.

Петр. Ничто так быстро не приедается, как правда. Двойку мне за этот афоризм,— да, наш корреспондент?

Черемушкина. Вы сегодня веселый.

Петр. Брат Антон возвращается. Вон и Наташа веселится — видите?

Черемушкина (чуть смущенно). Лиза Сергеевна дома?

Петр (показывая на входящую Лизу). Вот она.

Лиза. Анюта, здравствуй!.. (Размахивая авоськами.) Столько накупила всяких разностей — обанкротилась совершенно! Ты дома, Коленька?

Николай Иванович (из окна). Присутствую.

Лиза. Отлично. Ну, что скажешь, Нюта, — знаменитый сын приезжает!.. Сейчас в школу газета из области пришла, там тоже о приезде Антона пишут. (Разворачивает газету.) На первой странице! (Смеется.) Салют из двадцати четырех орудий.

Петр уходит в дом.

Через полчаса — на вокзал, а то опоздаем. (Николай Иванович скрылся в окне, и это явно беспокоит Лизу.) Коленька, что ты там делаешь?

Николай Иванович (из окна). Размышляю, представь себе.

Лиза (машинально). Ну давай, давай... (Наташе.) Вот журнал мод, погляди-ка, — у Зиночки выклянчила... А тебе сегодня очень хорошо волосы уложили... Производишь впечатление.

Наташа. Да? (Без интереса разглядывает журнал, иногда прислушиваясь к разговору Лизы и Черемушкиной.)

Лиза. А мне наша физичка чудесный восстановитель из Прибалтики привезла — волосы как живые, я ей так благодарна. (Продолжая разговаривать, детально рассматривает свои покупки, сортирует их, нюхает, иногда пробует. По всему видно, что она лакомка.) В нашем возрасте вообще следует очень строго за собой следить. Мне еще пятьдесят не скоро, но я выгляжу гораздо свежее тебя. На, попробуй конфетку.

Черемушкина (мягко). У нас жизнь разная, Лиза, разве сравнить можно? Я ведь одна, и ребят двое. А у тебя Николай Иванович — он так заботится о тебе...

Лиза. Вот вздор!.. Да он хуже ребенка: то ему подай, это при-

неси. Вот и бегаю весь день как угорелая. А по школе забот сколько? Хоровое пение — это ведь урок самый серьезный, а многие мальчишки не понимают всей прелести пения и творят бог знает что... Это ведь тоже нервную систему расшатывает. И потом я общественница — в кассе взаимопомощи секретарь... К тому же член месткома и в драмкружке староста... думаешь, просто? А тут еще хороших ролей не дают, говорят, стара, представляешь? Ведь мне еще пятьдесят не скоро. Для московской актрисы это молодость, а тут каких-то тетушек играть предлагают. Ужасно!

Черемушкина. Я понимаю.

Лиза. Пастилку вот съешь. Ты зачем, собственно, явилась?

Черемушкина. Я об Антоне Николаевиче... У нас при библиотеке создан крепкий читательский актив, и встреча с Антоном Николаевичем была бы для них счастьем.

Лиза (что-то жует). Ну конечно...

Черемушкина. В городе, естественно, будут проведены широкие читательские конференции, и я очень боюсь, что это помешает ему встретиться с нашим заводским кружком. В конце концов, он может просто забыть!.. И я тебя очень прошу, Лиза, стоять на страже наших интересов. Ты не представляешь, как это для нас важно.

Лиза. Отчего же, отлично представляю! Нашего Антошу вся страна знает — правда, Наташенька? Конечно, много мы ему болтать не позволим, он ведь к нам отдыхать едет, но у тебя он выступит, обещаю, Анюта... Да, девять лет мы его не видели, даже не знаю, каким он стал...

Пауза.

Черемушкина. Вот и моему старшенькому скоро шестнадцать. Вообрази — в областной мединститут ехать хочет... А я просто не представляю, смогу ли жить без него.

Лиза. Ну, это у тебя старые понятия — молодежи надо дать свободу... Вот Антоша уехал от нас и сразу прославился.

Черемушкина. И тебе легко было... без него?

Лиза. А я даже рада, что он не с нами, а в Москве живет. Там журналы, издательства... он в центре событий! Ты взгляни на Петра, как он тут мучается. Да, Наташенька? В Москве бы уж давно признание получил. Впрочем, талант тоже многое решает. *(Взглянула на Наташу.)* Антон— другое дело.

Черемушкина *(серьезно)*. Ты меня, Лиза, извини, но Петр Николаевич мало в чем вашему второму сыну уступит. Он у вас замечательная личность.

Лиза. Петя-то? Не смейся. И потом, Антоша у нас не второй, а первый. И единственный. А Петенька — приемный. Мы его все очень любим. Николай Иванович особенно. *(Подошла к окну.)* Коленька, ты здесь?

Николай Иванович *(из окна)*. Пока не убежал.

Лиза. Ну и ладненько. *(Черемушкиной.)* Ты, Нюта, завтра пораньше приходи — вот и поговоришь с Антоном... Я устрою.

Черемушкина. Только не забудь, пожалуйста. *(Обернулась.)* В галантерею, говорят, очень хорошие детские носочки привезли. *(Помолчав.)* Ну, я побежала. *(Быстро уходит.)*

Лиза *(подходит к Наташе)*. Переживаешь?

Наташа молчит.

Я тебя, Наташенька, предупреждала: вернется Антон — как в глаза ему посмотришь?..

Наташа *(тихонько)*. Но что же я могла... Он несколько лет не писал мне.

Лиза. Мужчины народ забывчивый, им надо постоянно о себе напоминать. Если любишь — себя щадить нечего. О гордости-то забыть следует, если хочешь мужчину удержать. *(Идет к дому.)* Коленька, на вокзал пора... Я покупки на холод поставлю — и идем.

Николай Иванович *(из окна)*. Ладно.

Лиза входит в дом.

Вот что, Наталья: ты на вокзал не ходи. *(Подчеркивая.)*
Не хочешь — не ходи. У вас в газете разные ночные де-
журства, вызовы... Соврать просто.

Наташа. Просто.

Николай Иванович *(негромко)*. Ты легче... с Петькой-то.

Молчат оба.

Ну, ладно... *(Скрылся в комнате.)*

Наташа идет к калитке, из дома выходит Петр.

Петр. Постой...

Наташа *(останавливается)*. Только не будем ни о чем гово-
рить. Я устала, Петя...

Петр *(подошел к ней)*. Прощай!.. Нынче мы последний день
были вместе. *(Не сразу.)* Сегодня я проснулся на рассвете,
посмотрел в окно, ты ходила по саду и пела... Нет, тут не
в Антоне суть — просто я понял вдруг, что никогда не был
тебе нужен. И, в общем, это вполне естественно. Ты идешь
на вокзал совершенно свободной... Видишь — я закрыл
глаза; когда я открою их, тебя уже не будет. Ты уйдешь
молча или останешься... Навсегда. Это будет твой ответ.
Все! *(Отворачивается от нее, закрывая глаза ладонью.)*

*Молчание. В доме слышится серебристый голосок Лизы:
«Коленька, пошли!..» Наташа медленно уходит.*

*(Открывает глаза, оглядывается, ее нет.) Как просто...
(Прислоняется головой к дереву.)*

Из дома выходят Николай Иванович и Лиза.

Лиза. Коленька, прошу, как директора школы, — прими ме-
ры... Прохоров на уроках вместо дисканта, явно в насмеш-
ку, поет басом, а младший Чернышевский сознательно
фальшивит. Тем самым они вызывают общий смех. Разве
не безобразие?

Николай Иванович. Не осуждай. Это ведь люди какого
возраста? Тринадцатилетнего. Думаешь, у меня в их годы

крылышки за спиной прорезались? Ты их хулиганству целеустремленность придай — вот твоя задача.

Лиза. Господи, это еще как?

Николай Иванович. Озорник всегда инициативен, вот ты их инициативу и оберни на разумное дело... А взысканиями делу не поможешь. *(Заметил Петра.)* Ты что, Петя?

Петр. Папа, меня срочно вызвали в больницу.

Лиза. Что? Ты не хочешь встретиться Антошу?

Петр. У меня нет второго хирурга, я один... *(Резко.)* Сколько ни просил, не присылают... Словом, мне надо ехать. А на вокзал идите без меня... Скорее!.. До поезда осталось мало времени.

Николай Иванович *(кладет ему руку на плечо)*. Что с тобой, Петух?

Петр *(пробует улыбнуться)*. Все в порядке.

Лиза. Коленька, мы опоздаем...

Николай Иванович. Возвращайся скорее. *(Уходит с Лизой.)*

Петр. Как все просто.

Из дома выходит Шварц. Увидев Петра, подходит к нему.

Шварц. Вот что, Охотников: товарищ Молодцов хотел бы побеседовать с вами.

Петр. Побеседовать?

Шварц. Именно. В частном порядке.

Петр. Забавно.

Шварц. Можете, конечно, и пренебречь. Вы ведь весьма успешно умудрились всех восстановить против себя. Работали над этим денно и ношно.

Петр. Николай Эрнестович...

Шварц. Слушаю вас, дуся моя.

Петр. Молодцов — заврайздравом, и вы, конечно, знакомили его с вашими выводами?

Шварц. Частично.

Петр. И выводы эти были, естественно, не в мою пользу.

Шварц. Ваша пронизательность делает вам честь.

Петр. Что мне грозит?

Шварц. Сие зависит не от меня.

Петр. От Молодцова?

Шварц. В некоторой степени. Есть еще область. Ну-с, общественные организации, естественно.

Петр. Хотите папиросу?

Шварц. Мерси. Какой вы кроткий нынче.

Петр (с удивлением). Знаете, я вдруг оказался один.

Шварц. Один? Что за чепуха? Вы?

Петр. Я один. И мне страшно.

Шварц (усмехнулся). Один... Ну и что же? Я, например, уже давно один. Учтите — это самая удобная позиция. Любовь и дружба превращают человека в невольника, одиночество делает его всемогущим.

Петр. Вы говорите это серьезно?

Шварц. Вполне. Для чего может понадобиться человеку человек? Для карточной игры — не более.

Петр (просто). А знаете... я не очень уверен, что вы симпатичны мне.

Шварц. Надеюсь, это не испортит наши добрые отношения. В сущности, мы разные люди. Я, например, весьма вас жалею.

Петр. Осмеливаетесь?

Шварц. Глядя на вас, мне хочется иногда заплакать. Сам не знаю почему.

Петр. Неужели я кажусь вам таким ничтожным?

Шварц. Ничтожные люди не стоят жалости. Вы уязвимы, это куда печальнее и страшнее. (Помолчав.) Ну-с, а почему вы не идете встречать вашего именитого братца?

Петр. Его встретят и без меня.

Далекая гроза.

Шварц. Кто?

Петр (усмехнулся). Гром и молния.

Шварц. Родные дети обычно не дружат с приемными, их ревность, конечно, объяснима — они не хотят делиться тем, что принадлежит им, и только им. Кстати, ваш приемный отец любит вас, пожалуй, чуточку больше, чем это полагалось бы по норме.

Петр (взволнован). Вы заметили это?

Шварц. Не мог не заметить — он слишком ко мне враждебен. Но мы с вами не будем ссориться, ладно?

Петр. Идет. Будем открыто ненавидеть друг друга.

Шварц. В добрый час. Кстати, а кто был ваш настоящий отец?

Петр. Негодяй. (Быстро уходит.)

Шварц (оставшись один, оглядывается вокруг). Все-таки какая гадость нет-нет, а и выползет из земли. (Срывает лопух, рассматривает его.) Ну, что это такое?.. Ни идеи, ни формы... (Срывает какую-то травку.) А это еще что за идиотка?.. Полная бессмыслица. Полная. И все это лезет и лезет из земли без всякого смысла и порядка.

Слышен шум подошедшей машины. У калитки появляются Антон и Ирина.

Антон (опирается на палку и чуть хромает). Алло, почтенные жители! (Помолчав.) Никого. Мило. (Открывает калитку и, пропуская вперед Ирину, входит в сад.) Вот на это дерево лазали мы с Петькой в детстве... Каким громадным оно тогда казалось.

Ирина. Ты должен к этому привыкнуть. Тебе все будет казаться сегодня маленьким.

Из-за деревьев выходит Шварц. Антон и Ирина с интересом разглядывают его.

Шварц. Вы ищете кого-нибудь?

Антон. Это не совсем точно. (Весело.) Я просто вернулся домой. Но меня почему-то никто не встречает.

Шварц. Ваши родственники отправились встречать вас на вокзал.

Антон (растерянно). А мы прибыли на машине,

Шварц. Вам следовало известить об этом ваших родных телеграммой.

Антон. Вы полагаете? Я как-то не учел этого.

Шварц. Весьма характерно для вашей семьи. Здесь в основном многого не учитывают.

Ирина. Начинается дождик, Тоша.

Антон. Ага. *(Смотрит на небо.)* Пребольшущая туча.

Ирина. Может быть, тебе съездить на вокзал за родителями?

Антон. Увы, невозможно. В баке ни грана бензина. Мы еле дотянули до дома.

Шварц. Нечего торчать под дождем. Входите в дом, в конце концов...

Поворот круга.

Антон и Ирина в сопровождении Шварца входят в дом. Они останавливаются на большой уютной веранде, и плотная завеса хлынувшего дождя как бы отделяет их вдруг от остального мира.

Антон *(Шварцу)*. Потоп...

Шварц. Приплюсуйте сюда гром и молнию. Словом, природа делает все, что может. *(Помолчав.)* Не смею мешать вам больше.

Антон. А кто вы такой?

Шварц. Нечто вроде дьявола. *(Не сразу.)* Так полагает ваш бедный братец. *(Кланяется Ирине.)* Желаю хорошенько отдохнуть с дороги. *(Уходит.)*

Ирина. Я вижу, что твое обещание продемонстрировать мне различных монстров начинает осуществляться.

Антон. То ли еще будет. *(Прыгает с ногами на диван.)* Милый, старый диван — здорово! *(Ирине.)* Не правда ли, он симпатяга?

Ирина. Да, он очень мил.

Антон. Именно на нем я научился стоять на голове. *(Пробует стать на голову.)* Черт, ничего не получается.

Ирина. Сейчас же перестань. Ты должен быть осторожен со своей ногой.

Антон. Не долей. *(Помолчав.)* Ирина, я счастлив.

Ирина *(улыбнулась)*. Надолго?

Антон. Увидим. Сними плащ... Вот так. А теперь устраивайся на диване. Отлично, правда? Дождик идет, и все, все напоминает детство.

Антон и Ирина удобно расположились на разных концах дивана, лица их обращены друг к другу.

Знаешь, я настроен удивительно сентиментально... Правда, во мне есть нечто рембрандтовское... Возвращение блудного сына, а? *(Оглядывается.)* Старая этажерка с книгами... Забавно встречаться с вещами после долгой разлуки. Смотри-ка, мамино зеркальце—все то же... Знаешь, у всех мамы были солидные, а у меня мама удивительно на девочку была похожа. Ей ведь восемнадцати не было, когда она меня родила... Помню, в пионерском лагере меня вызывают: «Охотников, к тебе сестренка приехала». Я оглядываюсь, а это мама стоит—в коротеньком платьице, стриженная, смешная...

Ирина. Ты ее очень любил?

Антон. Бесконечно. Она все мне разрешала—совсем не умела воспитывать. Ей постоянно все говорили: «Зачем мальчишку балуете, ничего из него не выйдет». А ведь вот, вышло нечто.

Ирина. Дай-ка папиросу, хвастун. *(Закуривает.)* А с отцом как ты ладил?

Антон. С отцом было все очень не просто. Он, видишь ли, хотел от меня чего-то... чрезвычайного. Выходящего из ряда вон. Мне всегда казалось, что он очень зол на меня за что-то. *(Раздумывая.)* Он больше любил Петра. Когда я подрос, я почти привык к этому.

Ирина. А откуда он взялся... этот Петр?

Антон. У отца была не то знакомая, не то дальняя родственница. Когда она умерла, мальчик остался один. Мне исполнилось три года, когда родители взяли Петра к себе... Он был на два года старше, это определило наши дальней-

шие взаимоотношения: командиром стал Петр, а я — подчиненным... (Задумался.) Боюсь, она не изменилась даже сейчас, эта расстановка сил. (Снимает со стены фотографию.) Вот он, наш Петенька...

Ирина (рассматривает фотографию). Вы дружили?

Антон. Мы были неразлучны.

Ирина. И ты не ревновал его к отцу?

Антон. Видишь ли, я слишком вял для этого чувства.

Ирина (поглядела на него). Пожалуй.

Антон. И потом, за всю жизнь у меня не было лучшего друга.

Ирина. О присутствующих не говорят?

Антон. Ты женщина.

Ирина. Это большой недостаток?

Антон. Для дружбы — да... в какой-то мере.

Ирина. Мне казалось, что из этой фазы отношений мы уже вышли.

Антон. Ты думаешь?

Ирина. Разве я дала повод сомневаться?

Антон. Нет, ты молодец.

Ирина. То-то. Все, что было между нами, — давно кончилось. Осталось то, чего нельзя забыть, — мы с тобой были рядом около смерти. Это дает право на дружбу. Ты улыбаешься?

Антон. По-моему, о правде не следует говорить красиво.

Ирина. Спасибо хоть за то, что ты считаешь это правдой. (Помолчал.) Антон...

Антон. Чего-с?

Ирина. А почему за эти девять лет ты ни разу не приехал сюда?

Антон. На сей вопрос так много ответов, что я никак не могу выбрать для тебя подходящий.

Ирина. А все же?

Антон. Видишь ли, я все время собирался, на это у меня ушло так много времени, что его не хватило на самый приезд.

Ирина. А если не шутить?

Антон. Мне не доставало самостоятельности — так мне каза-

лось тогда... Ведь даже в медики я пошел, подражая брату. Ирина. А тебе не приходило в голову, что ты был бесконечно жесток к своим родителям? Ведь каждый из них, вероятно, чем-то пожертвовал в жизни ради тебя?

Антон. Э, братец, ты слишком литературно смотришь на жизнь! (С несколько шутливым отчаянием.) И потом, если бы дело касалось только родителей...

Ирина (после паузы). Иногда бывает приятно узнать что-то новенькое.

Антон. Я не рассказывал тебе этой истории, но сейчас, когда ты сама считаешь наши отношения чисто дружескими...

Ирина. Словом, я затаила дыхание.

Антон. Ты ведь помнишь: конец войны застал меня в лазарете, в июле моя нога вышла из починки и я был демобилизован. Вернувшись домой, я поступил в местную больницу хирургом... Петр уже работал здесь, и я, естественно, попал под его начало. Я был весьма молод, в институте, по существу, не доучился, но война дала мне широкую практику: я довольно лихо умел резать людей. Ты помнишь это первое послевоенное лето? Все тогда казалось возможным, все было по плечу, я жил затаив дыхание... Но, увы, все мои ожидания кончились весьма заурядно — я встретил девушку... Милую, девятнадцатилетнюю девушку, и мы, так сказать, полюбили друг друга с первого взгляда. О, мы забавлялись с ней как могли: ссорились, мирились, приходили в отчаяние...

Ирина. Постарайся не быть таким злым, Тоша.

Антон. Во всяком случае, я почти два месяца чувствовал себя более чем счастливым. Но, как ни смешно, именно в это время я решил уехать в Москву. Все вокруг стало мне казаться серым, скучным, незначительным... Я сообщил ей о своем решении — и что же? Она одобрила его! Недурно, правда? Расставаясь, мы повели себя совсем дурновкусно — поклялись друг другу в вечной любви... Я обещал со временем выписать ее в столицу... Словом, старая-престарая история.

Ирина. И чем же она закончилась, эта старая история?

Антон. О небо, чем обычно кончаются эти истории! Мы переписывались с ней почти два года, ну а затем все как-то сошло на нет. У каждого в жизни бывает такая девушка — девушка, на которой не женятся.

Ирина. Ну а кто из вас двоих не ответил другому на последнее письмо?

Антон (не сразу). Я.

Ирина. Картина проясняется.

Антон (неуверенно). Ты считаешь меня подлецом?

Ирина. Забавно, что эта мысль все-таки пришла тебе в голову. (Помолчав.) И совсем смешно, что только через девять лет я узнала об этой истории.

Антон. Так или иначе, но я не доставил тебе удовольствия встретиться с этой девушкой. (Значительно.) А ведь это могло случиться.

Ирина. Ты хочешь сказать, что в твоём разрыве моя скромная личность сыграла некоторую роль.

Антон. Именно.

Ирина (улыбнулась). Благодарю, ты очень мил. Хотя нынче это приятное известие не играет, увы, никакой роли.

Антон. Не надо сердиться, бука, я никому не разбивал жизнь. (Улыбнулся.) В наше время это вообще очень трудно сделать. Ты не находишь?

Ирина. Где сейчас эта женщина?

Антон. Живет в этом доме. Не пройдет и часа, как я познакомлю тебя с женой моего милого братца.

Ирина. Что?

Антон (глубоко удовлетворен ее замешательством). Как видишь, вечной любви не бывает, Ариша... (Засмеялся.)

Ирина (улыбнулась). У тебя удивительная способность, дружок, выходить сухим из воды.

Антон. Кроме того случая, на Одере, когда мы с тобой познакомились. В тот раз нам пришлось выкупаться в ледяной воде.

Ирина (дотрагивается до его руки и вдруг резко встает и уходит от него). Совсем стемнело... (Помолчав.) Ну, а Петр? Ты говоришь, он был твоим начальством, — ему-то ты сказал, что не вернешься?

Антон. Вот черт... Не понимаю, почему это тебя интересует? Имеет ли это значение сейчас, когда я возвращаюсь в город не последним человеком. В конце концов, успех все списывает. Я говорю не о боевых орденах — храбрым может быть каждый. (Резко.) Почему ты улыбаешься? Хочешь сказать, что без твоей помощи я бы не написал книгу?

Ирина. Упаси бог, Антоша. (Мягко.) Только ты написал ее шесть лет назад. Пожалуй, было бы неплохо написать еще что-нибудь...

Очень долгая пауза.

Антон. Ты чересчур часто стала говорить мне об этом. Конечно, последние годы я слишком много ездил. Читательские конференции, дискуссии... В конце концов, мы не кабинетные писаки, у нас есть определенные обязательства перед народом... Ты улыбаешься?

Ирина. Видишь ли, когда слышишь свои слова в устах другого, они всегда звучат как-то неубедительно.

Антон (нетерпеливо). К чертям это все! Пойми, что я устал, отчаянно, бесконечно устал от суеты... Кажется, только сейчас я понял это так ясно. (Вытягивается на диване.) Я дома, дома — разве это не чудесно? И то, что идет дождик, а за окнами стемнело... И эти старые обои, и милые, знакомые, родные вещи — все это так прекрасно, правда ведь?

Ирина. Я очень завидую тебе, дружок.

Антон. Вот видишь! Я просто устал, последние дни мне все время хочется спать и, открывая глаза, видеть одни и те же стены, одни и те же обои...

Ирина. Совсем темно... Зажечь верхний свет?

Антон. Не надо... Знаешь, что я вспомнил сейчас? Детские

страхи. Мальчишкой я любил в сумерки валяться на этом диване... И они приходили ко мне, детские страхи... И как же я был тогда счастлив! Вот и сейчас они медленно подходят и садятся рядом... Знаешь, я, кажется, усну, ей-богу, тут так тихо, так тепло, и дождик стихает на дворе... Детские страхи... Как хорошо-то, ей-богу... (Засыпает.)

По-прежнему льет дождь, где-то очень далеко слышна музыка. Ирина подсаживается ближе к спящему и внимательно смотрит на его лицо.

В дверях появляются Николай Иванович и Лиза. Ирина оборачивается к ним. Небольшое молчание.

Николай Иванович. Кто вы?

Ирина. Тише, он спит.

Лиза. Антошенька! (Тихонько становится на колени перед диваном, на котором спит сын.) Погляди, как он изменился, бедный мой, маленький... Как же мы разошлись-то, господи?!

Ирина. Мы приехали на машине...

Николай Иванович. Вы приехали... вместе?

Ирина. Вероятно, мне сразу же следует внести ясность — мы с ним просто фронтовые друзья. Когда сын возвращается к родителям с девушкой, это обычно бывает его невеста... Не бойтесь, я слишком стара для подобной комбинации.

Лиза (плачет и смеется). Вот ты и приехал, глупенький, и теперь уже никто не поверит, что мне всего сорок лет...

Картина вторая

Раннее утро. Лиза накрывает в саду чай. Николай Иванович входит с улицы в калитку, в одной майке, растрепанный, вытирает полотенцем мокрые волосы.

Лиза. Опять ты купался в пруду, Николаша?.. Будешь теперь весь день пахнуть тиной и лягушками.

Николай Иванович. Черт с ними, с лягушками... Зато освежает.

Лиза. Какой ты красивый...

Николай Иванович. Здравствуйте.

Лиза (любуясь им). Совсем мальчишка.

Николай Иванович. Совсем. Шестьдесят скоро. (Кивнул головой на дом.) Спят?

Лиза. Антоша проснулся. Бреется. (Испытующе.) Ну, как она тебе понравилась?

Николай Иванович. Ирина Александровна? Кажется, умница. В общем, понравилась. Мила, весьма мила.

Лиза. Еще бы! Весь вечер глазела на тебя как ненормальная...

Николай Иванович. Серьезно? Надо будет за ней ударить.

Лиза. Коленька, не зли меня... Все-таки совершенно непонятно, зачем она выкрасилась в такой неестественный цвет... (Понизив голос.) Как ты думаешь — между ними что-нибудь есть?

Николай Иванович. Видишь ли, я не великий дока в этих вопросах.

Лиза. Полагаешь, что я слепая? Думаешь, не видела, как ты на нее смотрел? Не вздыхай, пожалуйста, я тебя за тридцать два года изучила...

Николай Иванович. Покорно благодарим.

Лиза. И не валяй дурака... (Непоследовательно.) Все-таки удивительный вчера в магазине попался сыр. (Пробует.) Прелесть! Да, и позаботься, чтобы Антошенька не скучал сегодня — у меня после двенадцати в драмкружке репетиция.

Николай Иванович. Хоть бы ты когда-нибудь дома посидела. Воскресенье, сын все же приехал...

Лиза. Общественные обязанности — прежде всего! Хочешь, чтобы меня с роли сняли? Я и так на волоске держусь. Зиночка Басова на все мои роли претендует. Если я опоздаю — все поггло! И в три часа в кассе взаимопомощи заседание — у нас такая задолженность, просто беда!.. Зато вечером я свободна, устроим ужин, повеселимся. Вот только Наташа меня беспокоит — не явилась ночевать...

Все-таки Антон приехал. Впрочем, я ее понимаю — после стольких лет разлуки они снова встречаются, а она жена человека, о котором даже не знаешь, что подумать.

Молчание.

Николай Иванович *(негромко)*. Не говори плохо про Петю.

Лиза. Забеспокоился?

Николай Иванович *(неожиданно ласково)*. Тебе так не идет быть несправедливой, маленькая.

Лиза. Вот и тогда у тебя было такое же просящее лицо — в тот вечер, двадцать девять лет назад, когда ты привел в наш дом Петра... *(С отчаянием.)* Разве я не вижу, как ты каждый вечер вглядываешься в черты его лица? Думаешь, не знаю, о ком ты вспоминаешь в эти минуты? *(Очень тихо.)* Уж лучше бы мы расстались тогда...

Николай Иванович *(вдруг угрюмо)*. Что ж... может быть.

Лиза *(оборачивается и долго на него смотрит)*. Ты действительно так думаешь, Коля? *(Подбегает к нему и обнимает крепко.)* Не думай так, умоляю тебя... И не верь, ни одному моему слову не верь, слышишь? *(Целует его руку.)* Я слишком тебя люблю, в этом моя беда, понял?... *(Почти шепотом.)* Прости меня... *(Убегает в дом.)*

Антон *(вышел чуть раньше и видел, как Лиза стремглав вбежала на веранду)*. Мама... совсем как девочка. Правда?

Николай Иванович. Да. Совсем. *(Молча целует его.)* Сейчас будем пить чай. *(Неторопливо уходит в дом.)*

У калитки появляется Черемушкина, со смущением и интересом она смотрит на Антона.

Антон. Доброе утро... Вы ищете кого-нибудь?

Черемушкина. Боже мой, как вы изменились...

Антон. По всей вероятности.

Черемушкина. Простите, что я так рано... Вероятно, вы не помните меня — Черемушкина, библиотекаря из Дома культуры, нашего, заводского... Забыли, да?

Антон (неуверенно). Смутно... припоминаю.

Черемушкина (передает ему небольшой букет цветов). Эти цветы... от наших читателей. И от меня, конечно.

Антон с некоторой растерянностью смотрит на букет.

Может быть, это несколько старомодно, я не совсем в курсе дела... Но это... от всего сердца.

Антон (сдержанно). Благодарю.

Черемушкина. Вот и хорошо. (Помолчав.) Я, собственно, с большой просьбой к вам, Антон Николаевич. Читательский актив нашей библиотеки очень хотел бы встретиться с вами... У нас ведь тоже есть пишущие... Ну и интересующиеся, конечно. (Негромко.) Вы не откажете нам, правда?

Антон. Я написал свою книгу давно и столько о ней говорил... Перед самим собой совестно.

Черемушкина. Но ведь наши читатели — они не в курсе. Мы очень удалены от центра, и это огромное событие — приезд в наш город такого человека, как вы.

Антон. Такого... (Усмехнулся.) Что вы имеете в виду: какого именно?

Черемушкина (волнуясь). Вероятно, сейчас вы пишете новую книгу. Почему бы вам не рассказать о ней... Это было бы так интересно.

Антон (серьезно). Вы думаете?

Черемушкина. Конечно! А поездки за рубежи нашей родины? Для моих читателей все это представило бы колоссальный интерес.

Ирина (выходя из дома). Доброе утро, Антоша... Ты недоволен чем-то?

Антон. Нет, почему же... Вот познакомься, кстати, — глава местной библиотеки, моя старая знакомая. (Черемушкиной.) Простите, не точно помню ваше отчество?

Черемушкина. Анна Трофимовна. (Ирине.) Я очень рада.

Антон. А это — мой друг, Ирина Александровна. Критик. Журналист. (С комической серьезностью подымая вверх указательный палец.) Деятель.

Черемушкина (Ирине). Надеюсь, вы тоже выступите у нас на читательском активе?

Ирина. С огромным удовольствием.

Черемушкина. Наши читатели очень вторую книгу Анто-на Николаевича ждут... Давно уж. (Засмеялась.) Вот пусть он и расскажет им...

Антон ломает прутик, которым размахивал только что, и отбрасывает его в сторону.

Ирина. Что ты, Антоша?

Антон. Ничего.

Недолгое молчание.

Ирина. У вас хорошая библиотека?

Черемушкина. Конечно, книг не слишком много... Но нуж-ную литературу подобрать все-таки удалось. Книги, кото-рые интересуют читателя, есть почти все... И даже в дуб-лях.

Ирина. Я вижу, вы любите вашу работу?

Черемушкина. Это моя жизнь. (Помолчав.) Правда, зар-плата у меня невелика, да и двое ребят на руках оста-лись, но ведь главное — работа по душе... Тут уж мате-риальные лишения как-то на второй план отходят... Прав-да ведь?

Ирина. Вероятно.

Черемушкина. Я думаю, многие даже не представляют, ка-кую громадную роль в жизни человека играет книга.

Антон (улыбнулся). Вот как?

Черемушкина. Уверю вас... не учитывают. Настоящая книга заставляет человека думать о себе самом... Ну и об окружающих, конечно. Я вот наблюдаю — ходит человек, мучается, не может на поступок решиться. Вот ты дашь ему книгу, смотришь, а он уж принял решение... (Взволно-ванно.) Поступил, понимаете? И так обидно, так жалко, что у нас многих книг недостает. Не написаны они еще, понимаете? Ну вот в аптеке, скажем, нет аспирина... беда

ведь? Так и у нас — нету нужной книги, и людям от этого трудно. Не приходит помощь — и все тут.

Антон. Вы как-то слишком уж утилитарно.

Черемушкина (горячо). Конечно, утилитарно, а иначе как же? Я себя за весь мой район в ответе считаю... Случился, скажем, какой-нибудь беспорядок, мне всегда кажется — моя вина... Значит, не нашла для человека нужную книгу, не дала вовремя...

Антон (с интересом смотрит на нее). Вон вы как...

Черемушкина. Кое-что и тревожит, конечно... Все чаще приходит ко мне молодежь и просит — дайте про шпионов... Да и взрослые тоже. Раньше это как-то меньше наблюдалось. Ведь значит, они в книге только развлечения ищут, не верят, что она может верный совет дать... Не знают или не верят? Я думаю, это ваша вина, Антон Николаевич...

Антон. Моя?

Черемушкина. Ну... всех писателей. (Помолчав.) Когда человек не находит в книге правды, он ищет в ней развлечения.

Лиза (выходит из дома). Познакомились уже? (Тихо, Черемушкиной.) Явилась в такую рань, безумная... Ты ее, пожалуйста, не обижай, Антошенька, она у нас в своем роде перл...

Антон. Как ты чудесно выглядишь, мама. (Целует ее.)

Лиза (увидела вышедшего из дома Николая Ивановича). Ты отцу это скажи, а то он меня окончательно к старухам причислил.

Николай Иванович. Вот уж нет... Как спалось, Ирина Александровна?

Ирина. Отлично.

Лиза. Не задавай праздных вопросов, Коленька. (Уходит в дом.)

Антон (засмеялся). Мама... Все такая же.

Николай Иванович. Будь уверен. (Увидел Черемушкину.) Вот, Ирина Александровна, рекомендую вам нашу Анюту.

Замечательная личность. Я ведь все человечество на две половины делю. Первая половина — это та, что никак места своего не найдет, ну а вторая — та, что нашла.

Ирина (улыбнулась). Анна Трофимовна... нашла?

Николай Иванович. Да. (Твердо.) И незаменима.

Черемушкина. Ну что вы говорите такое, ей богу...

Николай Иванович. Правду. Иному, глядишь, помирать пора, а он все перемещается... (Вспыхнул.) Лучшие годы жизни — их одному делу отдать нужно. Вот тогда жди толка!

Лиза (возвращается из дома с чайником). Коленька, не бушуй... (К остальным.) К столу прошу — чай пить... (Ирине, которая хотела сесть рядом с Николаем Ивановичем.) Нет-нет, вы уж сюда садитесь, рядом с Антошей... Так лучше будет.

Антон. А где же Петр, брат?

Николай Иванович. В больнице задержался, вероятно. Он ведь у нас нынче и строитель — ему такое здание воздвигают...

Антон. На супругу его взглянуть тоже было бы не лишено интереса.

Лиза. Она придет... придет, Антошенька.

Из дома выходит Шварц. Одет он тщательнее вчерашнего.

Шварц. Гутен морген. Приятного аппетита.

Лиза. Чайку, Николай Эрнестович?

Шварц. Не откажусь. Как чувствуете себя в лоне семьи, Антон Николаевич? Нормально? Мама у вас — прелестное создание. Певунья, гастроним... и общественница к тому же. (Николаю Ивановичу.) Завидую, товарищ Охотников.

Николай Иванович. А вы нынче веселы.

Шварц. Обвинительное заключение заканчиваю.

Лиза. Вы уж не очень-то нашего Петеньку. Он у нас незадачливый, что с него возьмешь...

Шварц. Ошибаетесь, драгоценная. Петенька ваш весьма за-
дачливый — и даже слишком.

Лиза. А вот я вам варенья побольше положу, вы и полюбуете.

Шварц. Никак нет, Елизавета Сергеевна, я человек злой и не-
подкупный. А что до Петра Николаевича, то он у вас не-
ожиданная личность. Общение с ним требует постоянной
эдакой оборонительной позиции.

Николай Иванович. Просто... он очень честный чело-
век.

Шварц. Честный... Это неточная категория. Дон Кихот тоже
честен был, а какая от него польза? Тем более государ-
ству?

Лиза. Ну и бог с ним, с Петром. Уж говорено-переговорено.
Все-таки Антоша приехал... Вы книгу-то его читали, Нико-
лай Эрнестович?

Шварц. Имел удовольствие. Военные действия описаны до-
вольно точно.

Антон. А вы сами-то на войне... присутствовали?

Шварц. Не пришлось. Но фантазировал на эту тему, фантази-
ровал.

Лиза. У нас ведь Антошенька какой писатель? Не то что из
головы что-нибудь придумал... Нет, он все как было опи-
сал, чистую правду.

Шварц. Я ведь слышал — мы коллеги с вами.

Антон. А вы что же, врач?

Шварц. Вроде вас — отошел в сторонку. Ныне — инструктор
облздраотдела... и великий преферанса почитатель. (По-
молчав.) А вы, коллега, одним романом пока ограничи-
лись?

Черемушкина. Почему же... У Антона Николаевича еще и
пьеса есть, он ее по роману своему сочинил.

Шварц. Успех грандиозный?

Лиза. В газетах очень восторгались.

Антон. Шум был. Зрители только не ходили.

Шварц. Что так?

А н т о н. Театр — дело темное. Говорят, знание сцены требуется, ну и прочее шарлатанство...

Л и з а. Глупости... Верно, актеры пьесу провалили?

А н т о н. Видать, они. Как скажешь, Ариша?

И р и н а (*улыбнулась*). Театр — не твоя стихия, дорогой.

А н т о н. Слыхали, что критик говорит? А в эпоху бесконфликтности она меня хвалила.

И р и н а. Героическая тема, к сожалению, не выдерживает конкуренции с различными пьесками на семейные темы... Молодые драматурги предпочитают копаться в личных неурядицах... А ведь главная задача театра — приподниматься над действительностью.

Ч е р е м у ш к и н а. Вот вы сказали — над действительностью приподниматься... На словах-то это звучит, а по правде? (*Сбивчиво.*) Приходят ко мне читатели, есть и такие, что живут нелегко, с трудностями... Верят, что будут жить лучше, но ведь сколько война горя принесла... принесла и оставила, понимаете? У людей трудные судьбы, одиночество — ведь это жизнь, и не уйдешь от нее. Расскажите читателю, как преодолеть это, избавиться... Как вытерпеть одиночество, к людям найти дорожку.

И р и н а (*терпеливо*). Но, Анна Трофимовна, дорогая, согласитесь, что в наше время в литературе заурядные люди вряд ли могут быть интересны.

Ч е р е м у ш к и н а. Заурядные? Зачем же вы так свысока, приподнимаясь... (*Вспыхнула.*) Что же, если у человека трудно судьба сложилась — он заурядный, по-вашему?

И р и н а. Но вы не поняли меня, дорогая...

Ч е р е м у ш к и н а. И вовсе я не слабая... Ни сказок всяких, ни утешений мне не надо. Красивой только правда бывает.

Некоторое молчание.

Ш в а р ц. Вот вы, дуся моя, против одиночества высказались — и совершенно напрасно. Человек на одиночество обречен с момента рождения... Если он в душе не конференсье, конечно. И бороться против сего — фатально.

Черемушкина. Если вы верно так думаете — ступайте и застрелитесь.

Шварц. Увы, не производится торговля огнестрельным оружием. Но я не ропщу. В одиночестве над жизнью размышлять куда интересней... чем в паре.

Лиза. А вы... и женаты никогда не были?

Шварц *(вздыхнув)*. Приобщался.

Лиза. Один раз?

Шварц. Те, кто женится неоднократно, величайшие оптимисты, Елизавета Сергеевна. Надеются почему-то, что новая жена будет лучше старой. Ну-с, а я знал женщин и не обольщался.

Лиза. Как вы оригинально мыслите.

Шварц. Хочу вам понравиться на прощание. *(Николаю Ивановичу.)* Не ревнуете?

Николай Иванович. Вообще-то я, может, вас и подстрелю.

Черемушкина *(вдруг очень серьезно)*. А вот если бы мой муж жив был, я его никогда бы не ревновала. Я бы радовалась всему, если бы он счастлив был.

Лиза. Ты, Аня, извини меня, рассуждаешь как какая-то дурочка.

Черемушкина *(словно очнувшись)*. Да? Ты так думаешь?

Николай Иванович *(продолжая)*. Но если я и подстрелю вас, то не из ревности, а по другой причине.

Шварц. По какой же именно?

Николай Иванович *(задумчиво)*. Мне кажется, вы пошлый человек.

Шварц *(не сразу)*. Не обижаюсь. Пошляк всегда натура веселая, общественная... И смеху с него не оберешься, не правда ли?

Возникшее молчание как-то особенно подчеркивает появление Наташи. Ей не только к лицу платье, но и вся она значительна и хороша — совсем не похожа на ту женщину, с которой мы познакомились вчера.

Наташа. Ну... Доброе утро!

Антон. Наташа! *(Встает из-за стола, в волнении подходит к ней.)*

Наташа *(улыбаясь, смотрит на него)*. Ты, кажется, немножко потолстел...

Антон. Имеет место. Ну и ну... Ты удивительно красива.

Наташа. Ей-богу?

Антон. Оказывается, семейная жизнь красит человека.

Наташа. Это — да.

Антон. Познакомься... Мой друг — Ариша.

Наташа *(чуть помолчав)*. Ты приехал не один?

Антон. Ирина Александровна — товарищ по фронту. Кроме прочего пытается, вроде меня, расставлять слова на бумаге. В этом деле приобрела даже некоторую известность.

Ирина. Он очень часто рассказывал мне о вас.

Наташа. Часто?

Ирина. Почти каждый вечер.

Наташа. Я вижу, у вас было много свободного времени.

Лиза. Ну что же вы стоите? И чаю, дурачки, не попили...
К столу садитесь.

Антон. Наталья, ты со мной... *(Берет ее под руку и ведет к столу.)* Теперь не отпущу тебя, дудки. *(Шварцу.)* Знаете вы, кто эта особа, уважаемый?

Шварц. Жена вашего брата, коллега.

Антон. Это в настоящем. А в далеком, но прекрасном прошлом — моя любовь. Пылкая, безрассудная... *(Поет.)* Мы были молоды тогда... *(Опрокидывает стакан и проливает чай.)* Черт. Ошпарился.

Шварц. Вы уж как-то очень руками махаете, дуся.

Антон *(искренне)*. Да, глупо...

Наташа засмеялась.

Ну что ты смеешься... У меня теперь все брюки мокрые. *(Обиженно.)* Все-таки, Наталья, ты как-то неудобно села — вот я и пролил чай.

Николай Иванович *(улыбнулся)*. Смешно... Будто и девяти лет не прошло.

Наташа. Надеюсь, ты ошпарился не слишком?

Антон (*вытирает брюки салфеткой*). Ты все-таки тип. (*Ворчливо*.) Повернулась именно тогда, когда я тоже повернулся.

Лиза. Бог знает что ты говоришь... Девять лет не виделись!..

Антон. Мама, милая... (*Целует ее*.) Нет, ты удивительно хороша, Наталья. Пожалуй, мне все-таки следовало на тебе жениться... (*Смеется*.) Правда?

Открыв калитку, в сад стремительно вбегают Петр.

Петр (*оглядев всех*). Общий поклон!..

Антон. Петух!..

Они целуются.

Петр (*смотрит на него*). Мальчишка, по-прежнему... Пожалуй, не стоило тебя целовать.

Антон. Петька, забудь.

Петр. А надо ли забывать? (*Поглядел на Наташу*.) И ты тут? Ого, какая... Выглядишь.

Николай Иванович (*подходит к ним*). Что с тобой, Петушок?..

Петр (*тихо, ему*). Уведи ее отсюда, а то не сдержусь... Как разоделась-то для него...

Николай Иванович. Ты что... с ума сошел?

Петр (*вдруг беспомощно*). Наверно.

Шварц. Вы были у Молодцова?

Петр. Не застал подлеца.

Шварц (*апеллируя к присутствующим*). Слышали?

Петр. Антошка, а меня, говорят, с работы выгоняют... Полюбоваться прибыл, знаменитый братец?..

Черемушкина. Что вы... Что вы, Петр Николаевич!.. Несуразность какая-то просто. Мы письмо в редакцию пошлем от читателей...

Шварц. Комично это все. (*Уходит*.)

Лиза (*подошла к Петру*). Петенька... (*С каким-то даже торжеством*.) Да от тебя вином пахнет.

Петр. Раз-то в жизни... По случаю приезда знаменитости!
(Наташе.) Говорят, вы на заре юных дней в вечной любви друг другу поклялись? А почему в газетах об этом не оповещено?

Пауза.

Лиза. Эх, Петенька... Знаешь, как ей за тебя сейчас совестно, твоей жене?

Петр. Которой? (Показывает на Наташу.) С этой я разошелся вчера утром, а новой не нашел еще... (Антону.) В бедственном положении, брат, нахожусь.

Наташа (жестко). Мне тебя очень жалко, Петя.

Петр (не сразу). Вот это ты меня ловко ударила, девочка...
Под самый вздох.

Наташа молча и неторопливо уходит в дом.

Николай Иванович (резко). Не смеешь унижать себя...
Не смеешь.

Черемушкина (не сразу). Мне, наверное, тоже уйти лучше... Правда?

Все молчат, и она уходит.

Петр. Я что, торжественное чаепитие нарушил? Виноват...
(Обернулся к Антону.) Вовремя приехал. Всю правду тебе скажу. Щадить не стану.

Антон. Что ж, поговорим.

Петр (обернулся к Николаю Ивановичу и Лизе). У нас с ним разговор особый. С глазу на глаз. Не взыщите.

Николай Иванович и Лиза, молча переглянувшись, уходят.

Антон (Ирине, которая подошла к нему). Ступай. Мы не долго.

Ирина. Хорошо, Антоша. (Уходит.)

Петр (смотрит ей вслед). Жена?

Антон. Так... Приятельница.

Петр. А ты несколько округлился... детка. (Подходит к нему вплотную, долго смотрит, а потом резко бьет по лицу.)
Получай!..

Антон (после очень долгого молчания слабо улыбается, обнимает Петра). Ты что, Петух? Неужели так плохо?

Петр (тихо). Хуже не может быть, Тошка.

Антон (искренне). И я виноват?

Петр. После войны, десять лет назад — помнишь? — Вишне-
ский предлагал мне ехать в Москву, в его институт... По-
мнишь?

Антон. Да.

Петр. Я отказался. (Его душит волнение, и он почти не в си-
лах совладать с собой.) Мы решили остаться здесь, сделать
нашу больницу лучшей в области — всем доказать!.. И что
же? Через год ты оставил меня... Обманул, сказал, что вер-
нешься через месяц, — и вот возвращаешься сегодня, в тот
самый день, когда меня хотят лишить... всего. Все-таки их
оказалось мало — этих десяти лет, которые я отдал делу!
Меня не хватило одного, понимаешь? (Усмехнулся.) Гово-
рят, ты сочинил какие-то рассказы — немного стрельбы,
чуть-чуть любви и вагон вранья.. Ну, что ты глядишь на
меня?.. Ты не смеешь смотреть мне в лицо. Не смеешь —
понял?

Занавес

Акт второй

Прошла неделя. Воскресным вечером в саду возле дома Охотниковых встречаются Николай Иванович и Петр.

Николай Иванович. Ты из города?

Петр. Да. Кажется, приказ о моем увольнении подписан.

Николай Иванович (не сразу). За что тебя ненавидит Молодцов?

Петр. Я ему странен, понимаешь?

Николай Иванович. Но вы никогда не ссорились... открыто?

Петр (улыбнулся). Когда приезжала комиссия из Москвы, он решил похвастаться озеленением вокруг санатория... Там ведь пустырь. Он велел срубить в лесу тридцать елок и эти обрубки живописно воткнул в землю. Я не смолчал, и наш Толечка получил выговор за показуху.

Николай Иванович. Ты должен был знать, что такие, как он, ничего не прощают.

Петр. Я и знал это. Чего ты смеешься?

Николай Иванович. Нравишься ты мне.

Петр. К сожалению, ты, кажется, единственный человек, которому я нравлюсь. (Не жалуясь.) Что-то неважнец мои дела, батька.

Николай Иванович. У тебя это серьезно... с Наташей?

Петр (жестко). Вероятно, на днях она переедет в город.

Николай Иванович. Петя...

Петр. Вернулся Антон. Пусть чувствует себя свободной.

Николай Иванович (усмехнулся). Ты храбрый...

Петр. Ой ли. (Помолчал.) Антон уже неделю здесь... И они почти неразлучны. Он даже ездит с ней по ее газетным де-

лам! Точно я дурной сон вижу... Зажмурюсь, открою глаза — нет, все то же! (С удивлением.) Знаешь, иногда очень хочется заплакать. Весело?

Николай Иванович (негромко). Эх ты... Петух. (Проводит рукой по его волосам.)

Петр. Папа...

Николай Иванович. Ну?

Петр. Почему ты так часто смотришь на меня... вот так? Глядишь и глядишь.

Николай Иванович. Вспоминаю, дружок.

Петр. Кого?

Долгая пауза.

Николай Иванович. Я верю в тебя, слышишь, Петр? (Страстно.) Ты не должен быть несчастлив. Ни за что. Нет!

По саду, взявшись за руки, идут Антон и Наташа.

Антон. Обнимаются... Как это мило.

Петр. Провинциально, ты прав.

Наташа (серьезно). Как дела, Петя?

Петр. А это действительно тебя занимает?

Антон (отцу, весело показывая на Петра). Не понимаю, чем я хуже этого типа. А между тем все и всегда достается ему. Я протестую, в конце концов.

Николай Иванович. Не балагань.

Антон (неуверенно весело). Нет, правда... С войны он возвращается цел и невредим, а мне, бедному, чуть не отхватывают ногу... Затем он женится на моей невесте, а я остаюсь в дураках. Родной отец обнимает и целует не меня, бедного и усталого путника, а этого субъекта... И, наконец, мои милые сограждане на всех перекрестках говорят опять-таки о нем и о его схватке с каким-то там райздравом, а на мою долю достаются сотни три чудаков, которые умучивают меня на читательских конференциях своими вопросами... О справедливость, где ты?

Николай Иванович молча уходит.

Петр (не сразу). Знаешь, братец, не пошла тебе на пользу всесоюзная известность.

Антон. Это я и без тебя знаю. Ты что-нибудь новенькое объяви.

Петр (Наташе). Пожалуй, будет глупо, если ты выйдешь за него замуж. Он болтун, почище меня.

Антон. Женщины обожают болтунов — сразу попадают в родную стихию. Не прощают они нам одного.

Наташа. Чего, Тошенька?

Антон. Отсутствия настойчивости. Вот почему в конечном счете всегда побеждают такие, как ты.

Петр. Э, нет, я вышел из игры.

Антон. Решил ограничиться своим Молодцовым? Вот на кого он променял тебя, Наталья...

Петр. Кстати... Он, кажется, действительно меня уволил.

Наташа (вспыхнув). Неправда!

Антон. Твой Молодцов идиот — он не учитывает силы печатного слова. В конце концов, я ему не подарочек.

Петр. Напишешь письмо в инстанции? «Я знаменитый Охотников, и посему не трогайте моего бедного братца». Может, статейку в газете моей бывшей жены напечатаешь? Совсем будет весело, лауреат.

Антон. Дурак ты.

Петр. Нет, я умный. Мне просто не везет. Да, Наталья?

Антон (вдруг серьезно). А знаешь, это самое страшное, если тебе повезет. Этого бойся всего более. Незаслуженная удача... она пострашнее неприятельской пули, Петушок.

Петр. А ты, я вижу, тоже не дурак, мой братец. Тебе бы еще делом заняться, а не книжки писать. Для середины двадцатого века это занятие комическое.

Антон. Ого, отрицаешь искусство?

Петр. Я? Нет. Оно себя само с головой выдает. Допрыгалось.

Наташа. Очень уж ты... категоричен.

Петр. Не я. Такое время. Все на свои места ставит. (Неожиданно.) Где гуляли?

Антон. На Васильевских прудах.

Петр. А Белую рощу посетили? Я там Наталью Ивановну замуж за меня выйти убедил. Уговорил, склонил, вынудил. Я вчера там прохаживался. Ничего — солнышко сияет, все на месте. Советую и вам посетить. *(Уходит.)*

Антон. Смотри пожалуйста. *(Нерешительно.)* Вы что, действительно разошлись?

Наташа. Наверно.

Антон. Что так?

Наташа *(усмехнулась)*. Разонравились друг другу.

Антон. Разошлись вы как-то уж очень... к моему приезду.

Наташа. Боишься?

Антон. Конечно. Ты вон какая красивая. Возьмешь и женишь на себе.

Наташа. Ирина Александровна не позволит.

Антон. Ей-то что.

Пауза.

Наташа. У тебя сегодня где выступление?

Антон. У Черемушкиной, в заводской библиотеке. *(Помолчал.)*

Все-таки удивительно ты умеешь испортить настроение.

Наташа. Бедненький... Очень идти не хочется?

Антон. Глупо все чрезвычайно. Собираются люди и смотрят... как на чудо. А я не чудо. Скорее, как раз наоборот. Но приходится притворяться.

Наташа. А это трудно?

Антон. Не очень. Но отвратительно. Ну написал книгу, длинная, чертяга, оказалась — четыреста страниц. Дали мне премию. Ладно, премию так премию. А потом претензии пошли — расскажи, как ты ее создавал, сукин сын... Я и рассказываю. Вот уже скоро шесть лет рассказываю. Сам даже забыл, как ее написал. *(Посмотрел на Наташу и вдруг понял, что говорит лишнее.)* Но вообще-то писательское дело — забавная штука. Большие возможности во всех смыслах.

Наташа. Любишь славу?

А н т о н. А ее, собаку, кто не любит. *(Помолчав.)* Знаешь, я ведь и вторую книгу сочинил.

Н а т а ш а. Где же она?

А н т о н. Не отдаю печатать.

Н а т а ш а. Что так?

А н т о н. Уважать себя пытаюсь.

Н а т а ш а. Туманно.

А н т о н. А ты... любишь свою работу?

Н а т а ш а. Газета — дело не простое.

А н т о н. А точнее?

Н а т а ш а. Часто приходится повторяться, вот иногда и чувствуешь себя несчастной. Но если написала существенное и первая — цены тогда мне нет. Весело делается... Газета у нас невелика, да и официальные материалы место занимают, но в редакцию приходят тысячи писем и... Помочь человеку, когда он в беде, — это и есть счастье... для настоящего газетчика.

А н т о н *(серьезно)*. А ты настоящая?

Н а т а ш а. Пытаюсь.

А н т о н. Настоящим быть трудно. В нашем деле выдуманных — больше, чем настоящих. А это страшно — быть выдуманным. Знать, что тебя нет, что тебя сочинили... Представляешь? Но самое страшное — не замечать этого. Знать, что выдумали, и смириться. Делать вид, что ты настоящий... Вот самое страшное.

Н а т а ш а. Что ты... чудак.

А н т о н *(берет ее руки)*. Мне хорошо с тобой... Так просто. Когда мы вместе бродим по старым местам, я вспоминаю то лето сорок пятого, каким я был тогда... и так делается свободно!.. Это, наверно, смешно, но знаешь, чего мне хочется? Положить тебе голову на колени и уснуть... *(Весело.)* Странная идея, правда? Но что поделаешь — с тех пор, как я здесь, меня все время клонит ко сну... Точно мне надо освободиться от чего-то... ясно?

Н а т а ш а. Нет.

А н т о н. Мне тоже нет. Ну и черт с ним... да?

Наташа (улыбаясь). Да.

Антон. Мне так просто... Спасибо. Я знаю, я очень виноват перед тобой, бесконечно виноват, но ты не говоришь мне об этом... Ни единого словечка не сказала. Спасибо... я ведь все понимаю, Наташенька.

Наташа. Нет, ты ничего не понимаешь, бедненький.

Антон. Все понимаю... Спасибо, родная.

Поворот круга.

В саду, у дома, сидят за столом Лиза и Ирина и пьют молоко.

Ирина (продолжая). Это был весьма основательный снаряд, и попал он в самый центр переправы. Больше десяти лет прошло, а до сих пор страшно вспомнить... Я плохо плаваю и уже минуты через три стала тонуть. И вот тут появился Антон.

Лиза. Он у нас с детства плавал великолепно. Даже щеночка однажды спас, когда в пруду купался.

Ирина. Ну вот, а вслед за щеночком пришла и моя очередь.

Лиза. А что же потом у вас было?

Ирина. Мы встретились через два года в Москве... И когда он писал книгу, я ему помогала немножечко. Ну а впоследствии написала о ней несколько статей...

Лиза. Как это все исключительно интересно. И у вас никогда не было ничего с ним такого... серьезного?

Ирина (усмехнулась). А вы полагаете, что он способен и на нечто серьезное?

Лиза. Ой... совсем вас не пойму.

Ирина (задумчиво). Впрочем, то, что кажется серьезным сегодня, завтра претерпевает значительные изменения. Вот и все. А сейчас мы дружим с ним. Дружим из чувства страха.

Лиза. Как это?

Ирина. Боимся оказаться окончательно одинокими.

Лиза. А разве у Антона нет в Москве друзей?

Ирина. У него так много знакомых, что не хватает времени

ни с кем подружиться. Суета сует. *(Помолчав.)* Я люблю ее.

Лиза. Кого?

Ирина. Суету. *(Улыбнулась.)* Вероятно, без нее я умерла бы. *(Подумав.)* Но, кажется, ему она не по силам. Вот почему скоро я останусь совсем одна. Наедине с суемой. Вы смеетесь?

Лиза. Вот вы говорите, говорите, а я ровно ничего не понимаю. Совсем как младший Чернышевский.

Ирина. Кто?

Лиза. В школе ученик у меня такой есть. Исключительно непонятливый мальчик.

В саду появляется Шварц, одет он лучше обычного, с некоторым старомодным щегольством.

Шварц. Приветствую лучшую половину рода человеческого!

Лиза. Ой, как вы испугали меня...

Шварц. А вы не будьте трусихой, драгоценная. Единственная добродетель, которая действительно украшает женщину, — смелость. *(Декламирует.)*

«Хочу быть дерзким, хочу быть смелым.

Хочу одежды с тебя сорвать,

Хочу упиться роскошным телом...»

Нда... дальше забыл.

Лиза. Бог знает что говорите... И не стыдно вам?

Шварц *(подняв палец вверх)*. Бальмонт! Певец любви, спутник моей юности.

Ирина. А у вас сегодня шикарный вид, Николай Эрнестович.

Шварц. Даю прощальный парад, ибо завтра отбываю восвояси, в мой блистающий ночными огнями областной центр.

Лиза. Шутите?.. А я вот слышала, вы в своем заключении очень нашего Петеньку обидели.

Шварц. Установил, что увидел, не более, Елизавета Сергеевна. А выводы сделает начальство. Вышние инстанции. Наше дело — сохранять спокойствие. А страсти и волнения отложим на внеслужебное время.

Л и з а. А у вас и страсти имеются?

Ш в а р ц. Эх, встретиться бы мне с вами лет двадцать назад в житейском море... Показал бы я тогда вашему муженьку небо в алмазах! Вы небось в молодости сводили с ума... а? Признавайтесь: сводили?

Л и з а. Разве я старалась?.. Они сами. *(Засмеялась.)*

Ш в а р ц. Представляю вас молоденькой... Ну, сколько раз вы наставляли ему рога, поведайте нам с Ириной Александровной, а мы никому ни слова... Клянусь честью!

Л и з а. Глупости все... *(Помолчав.)* А если верно подумать — обидно.

Ш в а р ц. Что именно, драгоценная?

Л и з а. Да как же, господи... Только жить начала, а уже старость подходит. Даже в Евпатории никогда не была.

Ш в а р ц. А мне вот кажется, что живу я с незапамятных времен. Страшно долго живу. *(Озаряясь.)* Эх, Евпатория — это что, я в студенческие годы в Монте-Карло ездил... Выиграл по лотерейному билету сумму — и пиши губерния! В тысяча девятьсот одиннадцатом году это случилось, а помню до сей поры... Монте-Карло! Можете это вы себе представить?

Л и з а. С большим трудом.

Ш в а р ц. И не пытайтесь. Не-во-обра-зимо! С того часа и жизнь моя приобрела иной смысл... *(Значительно.)* Игра!.. Вот случилась революция в семнадцатом году, помнится, в октябре месяце... Затем гражданская промелькнула, нэп, различные пятилетки, но как-то все это не слишком запечатлелось в памяти... Очень бывал по вечерам занят игрой. *(Значительно улыбнулся.)* Ну-с, и иные волнения имели место... Словом, жизнь прожил долгую и богатую впечатлениями, и вот что удивительно — очень еще ко многому сохранил интерес.

И р и н а. Странно, что вы на пенсию не вышли. *(Смотрит на него.)* Работа вряд ли может вас интересовать, так ведь?

Ш в а р ц. Не скажите. А всяческие забавные историйки, различные квипрокво. Они ведь сопутствуют... в дороге. Чест-

но говоря, люблю пощекотать человечка на законном, конечно, основании... В этом ведь тоже элемент игры. А пасьянсы я еще не раскладывал — берегу к самому кончику, под занавес. Будем же пока выполнять соответствующие директивы и слушаться вышестоящих товарищей. А на пенсию к чему же? Может, еще застанем какое-нибудь мелькание.

Чуть раньше из сада вышли Антон и Наташа, они слышали Шварца.

Антон (*задумчиво, Шварцу*). А в вашей откровенности есть нечто пугающее. (*Резко.*) Кто вас разрешил здесь?

Шварц (*чуть опешив*). Оригинально ставите вопрос.

Антон. Мой братец слишком деликатен, но мне это не нравится, поняли? (*Наступает на Шварца.*) И вы напрасно думаете, что вам удастся убрать отсюда Петра...

Лиза (*оправдываясь*). Антошенька у нас такой нервный стал...

Антон (*показывая на Шварца*). Черт его знает... Он меня пугает чем-то.

Ирина. Ты не должен так много ходить... Ты устаешь — ведь у тебя больная нога.

Антон (*резко*). Чушь!

Пауза.

Ирина (*робко улыбнулась*). Хорошо прогулялись?

Антон молчит.

Наташа. Осматривали старые места. (*Антону.*) Я приду в библиотеку... ладно?

Антон. Надо ли? Ты уже слушала эти мои... разговоры. А нынче я вряд ли придумаю что-нибудь новенькое.

Наташа. Все равно. Мне интересно.

Антон (*с некоторой тревогой*). Что — интересно?..

Наташа. Я приду. (*Уходит в дом.*)

Шварц. Кстати, библиотекарьша рыскает по саду — боится упустить вас... Поведаете публике что-нибудь свеженькое про

социалистический реализм? Надо, надо, а то, знаете ли, народ взволнован до крайности. Прошу прощения. (Уходит.)

Антон. Социалистический реализм еще к чему-то приплел... Старый козел!

Лиза. Что ты, Антоша... Он всегда такой вежливый и даже милый, если правду сказать.

Антон (не то шутя, не то нет). Говорю вам — я его боюсь. Он неприкаянный какой-то.

Ирина. По-моему, ты все-таки устал... после прогулки.

Антон. Не привязывайся! Все точно сговорились сегодня... Сейчас еще эта возникнет... библиотекаря.

В саду показывается Черемушкина.

Черемушкина (улыбаясь). А я вас уже давно дожидаясь, Антон Николаевич...

Лиза (тихо). Ты не очень на него долей, ладно, Нюта? Он у нас сегодня беспокойный... (Антону.) Я, Антошенька, сейчас переоденусь, и мы вместе с тобой пойдем... Ладненько? (Убегает в дом.)

Черемушкина (взволнованно и деловито). Значит, так, Антон Николаевич: сначала я скажу несколько слов о вашем творчестве, затем член нашего заводского литкружка товарищ Костиков сделает небольшой разбор вашей книги. Он у нас вполне понимающий... Ну а потом уж вы...

Антон. Естественно. Потом уж я.

Черемушкина. Конечно, будет много записок, но вы на них отвечайте не сразу. Сначала приоткройте, так сказать, тайну вашего мастерства.

Антон. Что именно прикажете приоткрыть?

Черемушкина (смешавшись). В смысле обмена опытом... Ну а в заключение поделитесь о вашей новой книге, как вы ее... создаете.

Антон. Словом, приоткрыть и поделиться?

Черемушкина. Я... не понимаю вас, Антон Николаевич...

Из дома выходит Наташа.

Антон. Насколько я разумею, дорогая Анна Трофимовна, вам нужно вписать галочку в вашу отчетность — приездом в город чудо и поделилось. Так вот: чуду совершенно нечем делиться, оно просто не чудо.

Ирина (тихо). Сейчас же прекрати это... Слышишь?

Антон. Черта с два! Пора посмотреть в глаза правде. Когда-то я очутился на переднем крае, и кое-что мне удалось застенографировать... Правда, это было не так уж плохо. Но прошли годы, впечатления иссякли, а умение... Оно так и не явилось. Словом (кланяясь), Иван Александрович Хлестаков прибыл из Петербурга. Как, подойдет?

Черемушкина (слабо). Но ведь вы...

Антон (яростно). Что я?.. Впопыхах суетливые звонари причислили меня к лику святых. Почему они сделали это? Не знаю... Выгодно было, вероятно... У этих звонарей тысячи своих соображений, не так ли, милая Ириша?.. Но суть не в том. Я-то знаю, что я пуст, пуст, как кувшин, который пролили в сутолоке. (Смотрит на Черемушкину.) Мне стыдно... Не сердитесь.

Черемушкина. Я понимаю, вам трудно сейчас... Мы отложим ваш вечер... Извините, если я была настойчива, но мне так хотелось... И люди очень готовились... Извините. (Быстро уходит.)

Ирина (негромко). Показал себя во всем блеске.

Антон (посмотрел на нее). Приветик.

Ирина. Нелепый ты человек, Антоша.

Антон. Не надо было звонить, милый мой звонарь.

Ирина. Если тебе себя не жалко, мог бы эту женщину пожалеть и не причинять ей боли. В сущности, она так несчастна.

Антон. Неправда! В сотни раз она счастливее меня... Да и тебя тоже! Неужели ты не поняла этого? У нее дело, которое она свято любит. Помнишь, как сказал отец: нашла место и незаменима... А мы с тобой?.. (Обернулся и увидел молчаливо стоящую Наташу.) Ты... Ты слышала? Молчишь?.. Ну, ладно. (Уходит в дом.)

Наташа идет к Ирине и внимательно смотрит на нее.

Ирина. Разглядываете меня?

Наташа. Нет.

Ирина. О чем же тогда молчите?

Наташа. Стараюсь понять, что же это все-таки такое — любовь.

Поворот круга.

Другая часть сада. Навстречу Шварцу из-за деревьев появляется Молодцов.

Шварц. Да... На аллеях этого сада вы фигура неожиданная, товарищ Молодцов.

Молодцов. Мне надо поговорить с Охотниковым.

Шварц (*помолчав*). Какая-нибудь перемена в высших сферах?

Молодцов. Есть настроение поговорить — вот и все.

Шварц. Не думаю, что данный разговор порадует вас, Анатолий Андреич. Охотников — человек внезапный.

Молодцов (*спокойно*). Стерплю.

Шварц. Учтите — из Москвы братец его явился. Лауреат. Выступает всюду. И в пользу брата настроен весьма радикально.

Молодцов (*задумчиво*). А он какого калибра человек — Антон Охотников?

Шварц. Расплывчатый какой-то. Агрессивен, но очень уж несерьезно.

Молодцов. Книгу-то его читали? Как, по-вашему?

Шварц. Так ведь тонкостей мало, Анатолий Андреич.

Молодцов. А на кой они ляд, тонкости эти? Книга нужная, мобилизует. А что слова не так расставлены — не беда. Какого он калибра человек — вот что важно.

Появляется Петр.

Петр (*увидев Молодцова, в изумлении подходит к нему*). Вы?..

Молодцов. Дела у нас с вами серьезные, Охотников. Лишний раз дружески общнуться — не повредит. Товарищ Шварц закончил свое обследование, и мы соображения его рассмотрели.

Шварц. Соображения — это сильно сказано. Зафиксированные факты, не более.

Молодцов (*подмигнул Петру*). Смотри-ка, осторожничает... Словом, мы с его материальчиком кое-какой народ познакомили...

Шварц. Финансовую дисциплину нарушали — это раз. Под видом шефской помощи вымогали у хозяйственников дополнительные ассигнования — два. Связались со знахарями — три...

Петр (*сдержанно*). Я испытывал средства народной медицины, все материалы исследований посланы мною на экспертизу в фармакологический институт.

Шварц. На экспертизу? Отлично. Но кто вам разрешил, любезный Петр Николаевич, тратить на сомнительные эксперименты средства, предназначенные на иные статьи?

Петр (*угрюмо*). Я не умею отвечать на такие вопросы.

Молодцов. Потому что вам нечего на них ответить.

Шварц. И, наконец, вы самовольно увеличили общий метраж строящейся больницы.

Петр. Мы отказались от всякой украшательской чепухи, таким образом, новый четвертый этаж не будет стоить государству ни одной лишней копейки.

Молодцов. А кому она, простите, нужна, ваша гигантомания?

Петр. Проект больницы был утвержден три года назад. За это время в городе введены в строй десятки новых предприятий. План дальнейшего строительства таков, что уже через пять лет жителей у нас станет вдвое больше.

Молодцов. Через пять лет? Да нас тут уже не будет. Чего же зря загадывать...

Петр (*сдерживаясь*). Главный архитектор города утвердил изменение проекта.

Шварц. А с райздравом вы согласовали?

Петр. Я представил Анатолию Андреевичу свои соображения еще год назад. Он тянул с ответом, и мы даже приостановили строительство...

Шварц. А затем?

Петр. Не дождавшись ответа, возобновили работы по новому проекту.

Молчание.

Молодцов. Как мне следует поступить с вами, Охотников?

Петр. Другой человек на вашем месте, вероятно, понял бы меня, ну а вы... вы должны меня убрать, так я думаю.

Молодцов. Погуляйте по саду, Шварц.

Шварц. С превеликим удовольствием. *(Удаляется.)*

Молодцов. Ну? Почему я должен убрать вас? *(Пауза.)* Думаете, сержусь за эту историю с елочками? Нет, с вашей стороны это был ход довольно любопытный.

Петр. Вы еще шутите?..

Молодцов. Шучу, потому что не чувствую себя виноватым. В конце концов, украшают же на Новый год елками комнаты? И заметьте — никто не называет это показухой. *(Весело.)* Ну, так почему же все-таки я должен убрать вас?

Петр. Я противопоказан вам, Молодцов. Вот вы только что сказали — через пять лет нас здесь не будет... В этом суть!.. Вы перелетная птица, перекати-поле — сегодня здесь, а завтра там... Не вдумываясь, не размышляя вы выполняете указания, которые присылают вам люди, часто незнакомые с местными условиями... Вот бы вам и помочь им — разъяснить... Какое! Без веры, без страсти выполняете вы то, что вам предписали, — от сих до сих. И то правда: на кой черт размышлять, спорить, стараться! Ведь через пять лет вас здесь не будет!

Молодцов *(задумчиво)*. Вот, значит, как ты меня трактуешь... До подлеца и вредителя — один шаг. А ведь я перед партией чист — за всю жизнь ни одной ошибки.

Петр. Так ли?

Молодцов. Ну, критикнул кое-кого резковато в свое время... С кем не было. Зато бдительность проявил. Нет, я на прошлые годы не в обиде. Это, поверь мне, было время вполне определенное. Чего-чего, а ясность имелась полная. Велят идти направо — и идешь. И уж никаких. Никаких — понятненько? *(Помолчав.)* Сейчас, конечно, обстановка меняется, и нам с тобой спорить глупо. Обвинения против тебя выдвинуты серьезные — тут и партийными взысканиями попахивает... Но я на этом настаивать не хочу. Ты парень деятельный, а поостынешь — и вовсе нужным человеком станешь. А зла я к тебе не имею. Словом, пиши заявление об уходе. По собственному желанию. И кончено!.. Личное дело сохранишь в полной чистоте.

Петр. А как же обвинительные материалы товарища Шварца? Их куда?

Молодцов. Так ведь Шварц кто? Пигмей. Бобик. Только пикнет — я его в ничто превращу. Нет, нам с тобой беды от Шварца не дожидаться. Он старичок тертый. Словом, пиши заявление... Я тебе другую больницу подберу. В Дубровск, в участковую, хочешь? Отсюда сто километров, шоссе новое строят... На машине за час будешь к жинке добираться.

Петр. А в мою больницу кого же?

Молодцов *(улыбнулся досадливо)*. Вон ведь как ты говоришь — в мою больницу... Тут и корень всех твоих ошибок. Больница, браток, не твоя, а государственная.

Петр. Понял. Благодарю. Так кого же на мое место?

Молодцов. Ох ты сейчас и взовьешься... Думаю, Пушкива. *(Помолчав.)* Как?

Петр *(спокойно)*. Естественно. Говорят, он в Дубровске всю больницу развалил.

Молодцов. Было дело. *(Вдруг засмеялся.)* Вот и надо дать человеку возможность по-хорошему проявить себя... *(Почти с азартом.)* А давай по-простому, нас тут никто не слы-

шит, что в прятки-то играть. Кто этот Пушкин? Друг мой. (Весело.) А ты мне кто? Враг. Так почему же я должен своему врагу, а не другу помогать, а, скажи мне?

Петр. Логично. Просто и логично.

Молодцов. Здесь и разница между нами. Все, что я делаю, всегда логично. И просто. Учти, Охотников.

Петр. Я ведь тоже человек несложный, Анатолий Андреевич. Буду драться с вами, пока жив.

Молодцов. На помощь в райкоме рассчитываешь? Хотя ты и обольстил их здесь, но твое дело народ покрупнее решать будет. Это я тебе обещаю, Охотников. (Помолчал.) Еще как драться станешь? Через местную прессу? А удобно ли? Жена у тебя там.

Петр. А мы разошлись. (Усмехнулся.) Вот такой я ловкач, товарищ Молодцов.

Молодцов. Так ведь развод тоже... не украшает морального облика.

Долгое молчание.

Петр. Есть у меня на земле враг, Молодцов. Он не капиталист, не подлец империалист и даже не сукин сын — социал-предатель. Это враги ясные и открытые, а тот враг иного склада. В чем его великая вина? Он мне принадлежащие слова говорит. Иному совестно о своей любви к родной матери болтать, а этот до хрипоты кричит — люблю, беззаветно люблю... Но и того мало!.. Он, свои шкурные, жалкие интересы прикрывая, со мной от имени государства говорит... А кто дал ему это право? Никто. Вот за это его самозванство я не стану его щадить. Никогда. Никогда, слышишь, Молодцов?

Молодцов. Право от имени государства говорить не дают. Его берут те, кто чувствует свою хозяйскую ответственность перед страной.

Петр. Слова. Что ж, может, сегодня ты и убережешь меня со своей дороги, но завтра... (С веселой яростью.) Ты учел

все, кроме одного — время, которое не обижало тебя, Молодцов, прошло. *(Быстро уходит.)*

Шварц *(возвращаясь)*. Ну как? Что он?..

Молодцов молчит.

Где-то очень далеко заиграла гармонь.

Гармонь... Народ на природу прогуляться вышел.

Молодцов *(медленно оборачивается к Шварцу)*. Народ?

Шварц *(осторожно)*. Предполагалось небольшое отвальное мероприятие... С закуской. Оно отменяется?

Молодцов в глубокой задумчивости снова смотрит вслед ушедшему Петру.

Поворот круга.

Кабинет Николая Ивановича. Большая лампа под абажуром освещает стол. В старом кожаном кресле сидит старший Охотников. В полутьме на пороге комнаты показывается Антон.

Николай Иванович. Вернулся из библиотеки? *(Пауза.)*
Как прошел вечер?

Антон. Он не состоялся. Я не пошел туда.

Николай Иванович. Но ведь тебя ждали...

Антон. Я не мог. *(Помолчав.)* Тебе не рассказывали... ничего?

Николай Иванович. Я недавно вернулся из города.

Антон. Видишь ли... Я отчаянно глупо себя вел. Обидел Анну Трофимовну... *(Взволнованно.)* Все, что эти годы разъедало мне душу, — вырвалось наружу, и я уже не мог остановиться...

Молчание.

Николай Иванович. Садись...

Антон *(оглядывает комнату)*. Все по-прежнему: два старых кресла стоят друг против друга. Помнишь, в детстве ты сажал меня после ужина в это кресло — оно казалось тогда громадным! — и начинались наши разговоры... Кем я буду — вот что занимало тогда нас обоих.

Николай Иванович (чуть удивлен). Ты не забыл?

Антон. Посмотри, свет из окна падает на ветви дуба... Двадцать лет назад он не был таким огромным... Я даже помню, что ты сказал мне однажды: погляди-ка на этот дубок, Тошка, другие деревья переросли его, но придет время—и он затмит своих соседей, потому что корни его глубоко вросли в землю...

Николай Иванович. И ты помнишь даже это?

Антон. Забыл. Но вот вернулся домой, увидел его — вон какой он стал здоровяк — и вспомнил. (Помолчав.) Папа...

Николай Иванович. Ну?..

Антон. Мне сейчас очень хорошо. Сидеть у тебя. В этом кресле.

Николай Иванович (его голос дрогнул). Я рад, мальчик.

Антон. Знаешь... Мне почему-то казалось, что ты избегаешь меня.

Пауза.

Николай Иванович. Ты тоже не приходил... сюда.

Антон (негромко). Я пришел... видишь?

Николай Иванович. Только разве чуточку поздно...

Антон (не сразу). Папа... Петр никогда не говорил тебе, что я обещал ему вернуться?

Николай Иванович. Нет... А ты действительно обещал ему?

Антон. Дал слово. (Помолчал.) Значит, он скрыл... (Полусерьезно.) Похоже, что этот Петр — замечательная личность. Так, что ли?

Николай Иванович. Слишком категоричен.

Антон. Ты думаешь, его действительно прогонят отсюда?

Николай Иванович. Это было бы смертельно для него.

Антон. Надо вступить в драку.

Николай Иванович (не сразу). А ты понимаешь, что он разошелся с Наташей из-за тебя?

Антон. Думал об этом.

Николай Иванович. Ему кажется, что она все еще тебя любит.

Антон. Черт! От его благородства может стошнить, в конце концов...

Николай Иванович. Я не думаю, что ты прав, проводя с Наташей все время. Для тебя это пустяки, а Петр...

Антон (*вспыхнув*). Петр!.. Тебе никогда не казалось, что кроме Петра на земле живут и другие люди?

Николай Иванович. Прости.

Антон (*запальчиво*). Имей в виду: уезжая отсюда, я отлично знал, что не слишком огорчу тебя... Ведь я не Петр.

Николай Иванович. Это неправда. Ты слишком много значил тогда в моей жизни.

Антон. А сейчас?

Николай Иванович (*помолчав*). Ночью мне часто не спится... Припоминаю жизнь— ищу, ищу, ищу, где поступил не так, где ошибся... (*Пауза.*) У моей бессонницы ты на хороших ролях, Тоша.

Антон (*с верой*). Тебе не доставало меня?

Николай Иванович. Да.

Долгое молчание.

И потом, Лиза... Она храбрится на людях, но я-то знаю, как ей без тебя не просто.

Антон. Но с вами остался Петр.

Николай Иванович. Ей он никогда не был дорог.

Антон. Отчего?

Николай Иванович. Это долгая история. (*Усмехнулся.*)

Но, может быть, именно сегодня ее стоит рассказать.

Антон. Ну? Что же ты молчишь?

Николай Иванович. Я любил его мать.

Антон. Ты?..

Николай Иванович (*твердо*). Бесконечно.

Антон. Значит, Петр... Он твой сын?

Николай Иванович. Нет. (*Помолчав.*) Ее звали Оля, Оленька... Она тоже была учительница в нашей школе, ее

перевели к нам из другого города... С мужем она разошлась еще до рождения Петра. Он был дурной человек, так говорила Оля... (Улыбнулся.) А она говорила только правду. Вот мы встретились, увидели друг друга и полюбили... Ничего с собой не могли поделать. Она была удивительно веселая. Когда мы оставались вдвоем, мы все время смеялись — нам было так легко с ней вместе, так весело!.. Мы не смели встречаться на людях, и вот по вечерам мы пробирались на городской стадион — зимой там было пустынно, — бродили с ней по заснеженным тропинкам, и нам представлялось, что мы одни — одни на целом свете. Так проходили месяцы. Что-то следовало решить... Я был женат четыре года. Лиза совсем девочкой была... оставить ее... и тебя?

Антон (тихо). Рассказывай дальше...

Николай Иванович. Не было никакого «дальше». Мы решили расстаться. А что еще могли мы придумать?.. (Вдруг торопливо.) Это было тринадцатого мая, в двенадцатом часу ночи... Мы шли по берегу реки, возле ее дома... и вдруг остановились у мостика... Я поглядел на Олю и увидел, что она плачет. Больше мы ни слова не сказали друг другу, и только у двери я взял в последний раз ее маленькую, худенькую руку, увидел ее глаза все в слезах и трижды повторил — будь счастлива, будь счастлива, будь счастлива... Затворилась дверь, я остался один в темноте. Я уже знал, что это конец, что ничего нельзя вернуть...

Антон (очень тихо). Дальше...

Николай Иванович. Она умерла через полтора месяца, пятого июля. Ее смерть всегда казалась мне странной... Она просто ушла. Так, словно ее и не было. (Усмехнулся.) А я вот остался жить. В этом мне немножко помог ты. И Петр.

Пауза.

Антон. А мама... знала об этой женщине?

Николай Иванович. Я сам рассказал ей...

Антон. Всё?

Николай Иванович. Всё. *(Помолчав.)* Теперь ты понимаешь, почему Петр... не дорог ей.

Антон. И ты до сих пор любишь... эту женщину?

Николай Иванович. Все может быть.

Антон *(тихо)*. А как же мама?

Николай Иванович. Я и ее люблю. Она мне... родная. Часть жизни. Часть тебя. *(Задумчиво.)* Ты ведь в детстве был симпатяга. Знаешь, о чем я мечтал тогда? Смешно... Как мы вместе поедem с тобой на пароходе, когда ты вырастешь... Куда-нибудь очень далеко.

Антон. Жалко.

Николай Иванович. Что?

Антон. Этого не случилось. Я уехал один. Оставил тебя. И мать. Оставил вас одних.

Николай Иванович. Одних? Неправда, Петр остался.

Антон. Ах этот Петр!.. Но я и его предал. *(Бросился к отцу, обнял его.)* Ты жалеешь меня? Пожалей — я, кажется, проиграл жизнь. Тридцать два года, а что свершено? Сколько раз я смотрел на войне в лицо смерти... и не дрогнул. А вот как в будни жить, научи... Жить и каждую секунду сознавать, что живешь не зря, не понапрасну!.. Я всегда все откладывал — и любовь, и настоящую работу... Вот, думал, проснусь завтра и... Но не поздно ли? Не опоздал ли уже?

Николай Иванович. Запомни одно: ты жив — значит, все впереди.

Антон *(в отчаянии)*. Знаешь, а я иногда думаю — может, меня и вовсе нет? Какой я? Не знаю. С одним человеком — один, а с другим — другой. А с самим-то собой? Не знаю... Никакой я! Никакой. Отчего?

Николай Иванович *(твердо)*. Что суть человека? Его дела. Изменил им — и нет тебя.

Антон *(идет к двери, оборачивается)*. Прости... Прости! *(Убегает.)*

Лиза *(выходит из соседней комнаты)*. Что, Коленька, жалеешь,

что оставил ее... из-за такого сына? Не окупилась твоя огромная жертва, ведь так думаешь?

Николай Иванович. Ты... Ты была здесь?

Лиза (отчаянно). Так слушай, что я тебе скажу, мой дорогой: ты просто недостаточно ее любил, чтобы бросить ради нее меня с ребенком... Недостаточно! Недостаточно!.. (Убегает.)

Поворот круга.

Лиза с веранды сбегает в сад.

Лиза. Зачем... Зачем он рассказал обо всем Антоше? Значит, он думает о ней? Все еще помнит... Господи, неужто я так и не освобожусь никогда от этого? (С ожесточением.) А все этот Петр... Он ему напоминает, он!

Из сада к дому медленно идет Петр.

Петр (увидя Лизу, подходит к ней). Мама Лиза...

Лиза. Что тебе?

Петр (слабо улыбнулся). Ну вот... добили меня. Придется уехать отсюда... совсем.

Лиза. Уехать... тебе?

Петр. Как понял это, так и стало страшно. С Молодцовым храбрился, а остался один — и... ненадолго огня-то хватило...

Лиза. Да ведь еще и не наверное?

Петр. Нет, с Молодцовым мне рядом не жить.

Лиза (не сразу). А может, и лучше — уедешь и забудешь нас?

Петр. Всей моей жизни дело... оставить? А отец, Николай Иванович... разве мне без него можно? А вы... мама Лиза?

Лиза. Что?..

Петр. Я никогда не говорил этого, но я очень... я бесконечно признателен вам за все. (Пауза.) Вам было со мной трудно, мама Лиза... Мама... Не знаю почему, но мне хочется повторять это слово. Оно такое нужное мне сейчас.

Пауза.

Лиза. Надо же, а? Надо же...

Петр. Вы были часто строгой... Мне даже казалось иногда, что вы не любите меня, и я думал, чем я провинился... Я же ничего не сделал вам плохого, правда? И вдруг понял: ваша строгость — просто любовь... Ведь она была так мне нужна, ваша прекрасная материнская строгость.

Лиза. Петенька!..

Петр. Я больше никогда не скажу вам этого. Просто сегодня такой вечер... У меня хотят отнять самое дорогое. Вот я и болтаю с испугу, совсем как мальчишка... *(Шутливо, по-детски.)* Я больше не буду, мама Лиза...

Лиза *(гладит его волосы)*. Эх ты, Петька...

На аллее показывается Шварц. Он сильно пьян.

Погляди-ка, Николай Эрнестович... Господи, пьяный совершенно!

Петр. Нет, с этим встречаться не хочу... Этого к черту! *(Убегает в сад.)*

Шварц, покачиваясь, приближается к дому. Лиза хотела уйти, но передумала и молча наблюдает за Шварцем. Где-то снова заиграла гармошка.

Шварц. Мир полон чудес... Вокруг что-то жужжит, попискивает, передвигает лапками. Бонжур... Привет, различные гадкие козявки! Хорошо вам? Вот, например, ты, жук... *(Лезет в карман, что-то вынимает и рассматривает.)* Я несу тебя в кармане домой, ты составишь мне компанию, понял? Я усну под твое жужжание... Все-таки не один. Не один... Ты понимаешь, как это трагично? Нет? Вот идешь ты домой пьяный, а тебя в кроватку уложат, позаботятся... Это тебе знакомо, жук? Мне — нет. Жизнь прошла без видимого следа. Пустота. Игра сделана, и ставок больше нет. Все. Прощай, Колька Шварц!.. *(Плачет.)*

Лиза. Николай Эрнестович, милый, вам что, невесело?.. Спать идите. Ночь ведь.

Шварц. Елизавета Сергеевна, милая женщина... Лизонька, как называют вас некоторые... Убежим от мужа! Еще не позд-

но. Скроемся в Евпаторию или на озеро Байкал. Есть идея начать новую жизнь.

Лиза. Ну что вы как маленький... Спать ступайте, поздно уже.

Шварц. Поздно? А может быть, и нет? Выяснилось, что я совершенно одинок. *(Показывает жука.)* Я только что сообщил ему об этом. *(Выпускает его.)* Лети, идиот!.. В конце концов, дома его ждут детки. А у вас есть детки, Елизавета Сергеевна?

Лиза *(рассердилась)*. Просто безобразие, что вы говорите!

Шварц. Ах да — Антон... Мон-Пассан наших дней. А у меня его нет, Мон-Пассана... Выяснилось — жизнь выдана псу под хвост. Недурно!

Лиза. А хвастались — одиночество человека украшает.

Шварц. Ну а если я врун, тогда что? Бежим, Лиза, бежим на озеро Байкал!..

Лиза. Как не совестно, а я еще вам симпатизировала... Вы на себя в зеркало поглядите — шестьдесят пять скоро!

Шварц *(вскрикнул)*. Уже? *(Помолчав.)* Действительно. *(Вынимает карманное зеркальце.)* Не представляю интереса. Так... Невыигравшая облигация. *(Со страстью.)* А был красив! Даже умные женщины приходили в отчаяние. Не верите? Могу предъявить... *(Вынимает бумажник, торопливо роется в фотографиях.)* Вот, двадцать четвертый год, в городе Гурзуфе, в клетчатой кепочке на фоне прибоя... Петроград в шестнадцатом году, стою в шляпе-канотье у казино «Трокадеро»... Здесь — черт-те кто... А это жена, Оля, миленькая была... Все время от меня чего-то хотела... Но чего? Забыл. Расписаны не были... Уехал и не вернулся.

Тогда было просто...

Лиза. Николай Эрнестович, фотография!... Откуда она у вас?

Шварц. Не понимаю... Что?

Лиза. Это наша знакомая... Мать Петина — у него такая же карточка есть...

Шварц *(мгновенно)*. Жива?

Лиза. Умерла... тридцать лет уже прошло. Петру только пять

исполнилось... (Поглядела на Шварца.) Ой!.. Погодите-ка...
Шварц (мгновенно трезвея). Ему... тридцать четыре?

Лиза кивает.

(Тихо.) Как отца звали?

Лиза молчит.

Николай...

Лиза. Тихонько!.. Тихонечко говорите.

Шварц (шепотом). Петр Николаевич...

Лиза. Молчите, говорю вам...

Гармонь играет где-то совсем близко. Шварц и Лиза молча смотрят друг на друга. Из сада возвращается Петр, он идет медленно, никого не замечая, раздумывая о своем. Шварц почти вплотную подходит к нему, хочет остановить, что-то сказать, но не решается. Лиза в испуге смотрит на них. Петр медленно уходит в дом. Шварц идет за ним. Останавливается на ступеньках веранды, на глазах его слезы, он улыбается. Лиза подходит к нему, берет за руку, точно хочет о чем-то попросить. Шварц вырывает руку. Бежит по саду. Лиза смотрит ему вслед. Оборачивается. Долго глядит на дом. В одном из окон зажигается свет. В саду очень тихо.

Занавес

Акт третий

Утро следующего дня. Веранда. На столе небрежно накрытый утренний завтрак. На всем следы неприбранности. Николай Иванович, стоя у стола, завтракает. Лиза то подсаживается к нему, то встает и ходит по веранде.

Лиза. Ты не видел Шварца?

Николай Иванович. Нет.

Лиза. Он не ночевал сегодня. Всю ночь пропадал где-то.

Николай Иванович (улыбнулся). Это приводит тебя в отчаяние?

Лиза. Почему ты не сядешь, Коленька? Вредно кушать стоя.

Николай Иванович. Ты полагаешь? Ладно, сядем... (Садится, смотрит на часы.) Я почти опаздываю... В девять у меня совет.

Лиза (беспокойно). И мне к половине десятого в школе быть надо... Коленька, повторяю: ты должен сделать внушение младшему Чернышевскому... Притворяется, что охрип, и вместо звука у него какое-то клокотанье. Так больше продолжаться не может. (Помолчав.) Ты ведь знаешь, он уезжает нынче...

Николай Иванович. Кто? Младший Чернышевский?

Лиза. Шварц. Возьми ватрушечку. Петр не вставал еще?

Николай Иванович. Тебя интересует Петр?

Лиза. Уже без двадцати девять.

Николай Иванович. Перестань ходить из угла в угол. Случилось что-нибудь?

Входит Петр, в руках у него полотенце.

Петр. Доброе утро.

Лиза. Петенька... Ты на пруд?

Петр. Да... *(Идет к двери, останавливается.)* Какая странная приключилась история ночью... Стучат мне в дверь, я просыпаюсь, спрашиваю — кто?.. «Я, Шварц!» Встаю с кровати, открываю дверь — никого... Пустота. Страшно. А утром просыпаюсь и понимаю — просто приснилось...

Лиза. Конечно, приснилось.

Петр. Наташа ушла?

Николай Иванович. Она нужна тебе?

Петр *(подумав)*. Нет. *(Уходит.)*

Николай Иванович *(поглядев ему вслед)*. Эх, дети... А как поможешь?

Лиза. Только бы Шварц уехал.

Входит Антон, он с полотенцем, как и Петр.

(Целует его.) Плохо выглядишь, дурачок.

Антон. Мне не спалось.

Николай Иванович. Я искал тебя вчера.

Антон. На пруду старики рыбу ловили. Мама...

Лиза. Что, маленький?

Антон. Ты брала мои рубахи... Они выглажены?

Лиза *(помолчав)*. Ты собрался в Москву?

Антон *(смотрит на нее)*. Не знаю. *(Не сразу.)* Наташа встала?

Лиза. Она тебе нужна?

Антон. Да. *(Идет к двери.)*

Николай Иванович. На пруд идешь?

Антон. Нет... Просто обольюсь из бочки. *(Уходит.)*

Лиза. Помнишь, какие они были с Петром смешные маленькие?

Николай Иванович. Боишься, что уедет...

Лиза. И этого боюсь... Всего боюсь, Коленька. Сегодня вечером у меня генеральная репетиция и в школе ответственный урок... А тут еще Шварц...

Николай Иванович. Что — Шварц?

Наташа *(входит)*. Какое сегодня утро веселое...

Лиза. Завтракать будешь?

Наташа. На лету. Мне в редакцию надо...

Лиза. Может, он по саду гуляет?

Николай Иванович. Кто?

Лиза. Шварц. (Уходит в сад.)

Николай Иванович. Чудеса.

Наташа. Дядя Коля...

Николай Иванович. Говори.

Наташа. Мне надо переехать от вас. Правда, будет лучше.

Николай Иванович. Наташа, нельзя так... Петр, он...

Наташа. Я знаю, что вы скажете. Не надо. Ни к чему.

Ирина (входит). Доброе утро.

Николай Иванович. К столу прошу...

Ирина. Не хочется. Выпью стакан молока, если позволите.

Николай Иванович. Я налью вам.

Из сада идет Лиза.

Лиза (увидела мужа рядом с Ириной). Коленька, Коленька...
в школу опоздаешь.

Николай Иванович. Бегу! (Быстро уходит в сад.)

Лиза. Как дитя... (Проходит в дом.)

Наташа и Ирина остаются одни. Небольшое молчание.

Наташа. Нравится вам у нас?

Ирина. Нет. Московский уходит в одиннадцать?

Наташа. Да. (Пауза.) Вы хотите уехать?

Ирина. Я уеду.

Наташа (не сразу). А как же Антон?

Ирина. Он останется. (Улыбнулась.) Странно... Я здесь девять дней, но мы почти не разговаривали с вами.

Наташа. Вероятно, этого не требовалось? Мы много знаем друг о друге.

Ирина. Но роли переменялись. Теперь, во время прогулок, Антон рассказывает вам обо мне.

Наташа. Не так уж много. (Помолчав.) Вы действительно решились уехать?

Ирина. Я уложила вещи.

Наташа. И вы не сделаете попытки увезти его с собой?

Ирина. Нет. *(Задумчиво.)* Я не была ему добрым гением. Как выяснилось.

Наташа *(чуть удивленно)*. Не думала, что вы так любите его.

Ирина *(не сразу)*. А вообще... Это очень заметно?

Наташа. Антон, например, не замечает...

Ирина. Только этим я и удерживала его.

Наташа. Чем же?

Ирина. Говорила, что не люблю его больше. *(Усмехнулась.)*

Мужчины боятся женщин, которые продолжают любить их, и обычно дружат с теми, кто их разлюбил. *(Резко.)*

Но с этим кончено. Вы не чужой для него человек. Помогите ему.

Антон *(возвращается из сада)*. Позавтракали? Печально. Не люблю пить чай в одиночестве.

Наташа идет к двери.

Мне надо поговорить с тобой...

Наташа. Я тороплюсь в редакцию... *(Спокойно улыбаясь.)*

Скоро вернусь, Тошенька. *(Уходит.)*

Ирина. А я уезжаю, Антон.

Антон. Уезжаешь?.. *(Весело.)* Куда?

Ирина. В Москву.

Антон. Вот странно... На заднем дворе стоит большая бочка с дождевой водой... И вода удивительно прозрачная, даже видны на дне разные там штуки. Я к чему это говорю? Когда я шел мыться, я почти решил, что мне надо уехать... А потом опустил голову в бочку, и у меня возникло совершенно обратное настроение... Я вдруг понял — мне надо остаться... Странно, правда?

Ирина. Вполне в твоем вкусе.

Антон. А ты, значит, уезжаешь? Это жалко... Получила какие-нибудь известия? Конференция? Семинар? Пленум? Или просто соскучилась по суете?

Ирина. В этом роде.

Антон *(не очень энергично)*. Мне будет плохо без тебя.

Ирина. Пустяки, милый.

Антон. Да, странно. *(Весело.)* Почему женщины никогда не любили меня?

Ирина *(серьезно)*. В тебе есть что-то непрочное. Это страшило их.

Антон. Вы подумайте!

Пауза.

Ирина. Ну а что предполагаешь делать ты?

Антон. Понимаешь, мне надо работать. *(Сказал это очень серьезно и вдруг засмеялся.)* Это, конечно, смешно звучит, но так оно и есть. Я должен действовать, а там... посмотрим. К тому же произошла одна совсем странная штука, Ариша... Я вернулся и вдруг понял, что она мне бесконечно дорога — Наташа... Что-то вроде пушкинского сюжета — дурак Онегин не раскусил бедную провинциалочку, а затем... Ну и так далее. *(Энергично.)* Но если говорить совершенно серьезно — я, пожалуй, в первый раз люблю так радостно... И глубоко. Честное слово. *(Пауза.)* Чего ты молчишь?

Ирина. Я думаю, что тебе не стоило рассказывать мне об этом.

Антон. Почему?

Ирина. Подумай.

Антон *(не сразу)*. Но все, что было между нами, давно кончилось... Ведь ты сама говорила.

Ирина. Прости. *(Подходит к нему, проводит своей рукой по его лицу.)* Я обманывала тебя — я все-таки тебя любила... Но, видимо, любовь эта была бесплодной — она ни в чем тебе не помогла. *(Пауза.)* Кончилась наша дружба... Да?

Антон молчит.

Этого мне и надо сегодня. Впрочем, мы можем утешиться тем, что суету я люблю, пожалуй, больше. Ради нее, как видишь, я покидаю тебя... *(Вынимает платок.)* Так... А слезы все-таки вытрем. Забавно: вероятно, я сейчас очень похожа на персонаж из этих дурацких семейных мело-

драм... Ну, тех, что я всегда ругала в своих статьях. (Посмотрела на Антона.) Ладно, дружок, постарайся быть счастливее меня. (Ушла.)

Антон в задумчивости провожает ее глазами. Из сада на веранду стремительно выбегает Шварц.

Шварц. Где он... Петр?

Антон. Не знаю... (Вдруг взрываясь.) Вот что — имейте в виду, я остаюсь здесь... И я не дам Петра в обиду!

Лиза (вбегая). Явились? Наконец-то... Мне ведь в школу надо, а вас нет и нет. (Антону.) Тоша, оставь меня с ним наедине. Почему ты улыбаешься?

Антон. Какое странное утро... (Уходит.)

Лиза. Как же так можно, Николай Эрнестович, — я вас все утро жду... Ведь если я опоздаю на урок, подумайте, какой пример я подам младшему Чернышевскому!.. Отвечайте сейчас же — уезжаете вы или нет?

Шварц. Вы просто вздорная женщина... Как я могу уехать! Мне надо помочь ему... Я должен явиться к Пете не с пустыми руками.

Лиза (в отчаянии). Николай Эрнестович, родненький...

Шварц. Можете быть уверены — я не терял времени даром... Я действовал всю ночь — неусыпно! (Торопливо.) Сейчас я от Молодцова, пытался его вразумить. Безусловно, я сгруппировал факты несколько тенденциозно... Я всегда стремился ладить с начальством, но на этот раз — увольте. Где Петр?

Лиза. Вы хотите говорить с ним?

Шварц. Естественно!

Лиза. Умоляю вас, не делайте этого... Ах ты господи боже мой... Ну пожалуйста, миленький...

Шварц. Нет, я не миленький, я далеко не миленький, и вы это знаете не хуже меня.

Лиза. Господи, десять минут осталось... Поймите, у меня ответственный урок — мы сегодня «Форель» Шуберта разучивать будем, для детского хора это труднейшая вещь...

Шварц (нетерпеливо). Черт побери! Что вам от меня нужно?

Лиза. Молчите о том, что вчера узнали... Умоляю вас.

Шварц (помолчав, почти спокойно). Видимо, вы совершенно не понимаете, о чем просите. (Тихо.) Он сын мой. Сын.

Лиза. Неправда! Он Коленькин сын... И мой. Мой, если знать хотите! Вы его мать бросили, ни разу не поинтересовались, а Коленька с ним тридцать лет... Они каждый вечер обо всем, что в мире происходит, беседуют! Вы об Оле и не вспомнили, а я с Петькой уроки делала, в воду с вышки прыгать учила, одних костюмчиков сколько перешила — вспомнить невозможно!.. А когда он хворал, у его постели глаз не смыкала, ведь у него постоянные ангины, они и сейчас бывают... А вы кто такой? Явились откуда-то, взбаламутили тут всех, а теперь сына у нас отнять хотите?

Шварц (тихо). Вы — дура. (Почти спокойно.) Я одинок и несчастен.

Лиза. А виноват кто?

Долгое молчание.

Шварц. Да... всю жизнь перемещался. Любил разнообразие. А теперь устал. Помирать скоро. (Впервые очень искренне.) Пожалейте, Елизавета Сергеевна...

Лиза. А вы Олю — пожалели? Нет уж, дудочки... (Посмотрела на часы.) Господи, без трех минут... Первый раз на урок опаздываю... (Убегает.)

Шварц. Все вздор... Отказаться? В нем только мое оправдание... В сыне.

Из сада идет Петр. Шварц смотрит на него с глубоким волнением.

Петр. И вы тут? Прогуливаетесь?

Шварц (улыбается ему, кивает). Гуляю.

Петр. Вы ведь обещали нынче отбыть восвояси... Не раздумали?

Шварц (*разглядывая Петра*). Волосы коротко как подстригаешь... Седина уже на висках.

Петр (*жестко*). Будет седина.

Шварц. Но цвет лица сохранился... Вполне еще. Размер костюма пятидесятый... Угадал? (*Негромко*.) А размер ботинок?

Петр. Что вы тут болтаете?

Шварц. Спешу поделиться радостной вестью... На наш запрос пришло письмо из фармакологического института — средства народной медицины, которыми вы пользовали больных, признаны заслуживающими внимания...

Петр (*живо*). Это правда?..

Шварц (*передает бумагу Петру*). Вот ответ. (*Торжественно*.) Таким образом, возведенное мною на вас обвинение в растратывании государственных средств на поддержку различных знахарей — отпадает!

Петр. Решительно не понимаю, почему это вас так веселит.

Шварц. Сегодня рано утром я беседовал с председателем райисполкома. Тут вас ценят, вы в большом доверии у хозяйственников — вот почему в борьбе с Молодцовым я бы на вашем месте опирался на городской актив...

Петр. Мне не нужны ничьи советы, милейший... ваши — тем более! Понятно?

Шварц. Но ведь еще вчера...

Петр. Да, вчера... Была, черт возьми, минута, когда я дрогнул почему-то. Испугался. (*Яростно*.) Но это была только одна минута. Можете передать вашему Молодцову. За свое дело я буду драться до конца!

Шварц (*загораясь*). Да, да, именно так! И в самом деле — кто он такой, этот Молодцов?

Петр (*он сбит с толку*). Однако... Что за странные повороты?

Шварц (*с азартом*). Клянусь — мне нравились всегда именно такие характеры. (*Негромко*.) Я очень рад за тебя... Очень.

Петр. Рады?

Шварц. Может быть, даже горд, мальчик. Сегодня ночью я просматривал в больнице истории некоторых болезней —

вы провели несколько превосходных операций, Петр Николаевич... *(Улыбается, повторяя.)* Николаевич... Они сдают честь любому хирургу. Еще ночью я хотел сказать вам об этом. У кого вы учились?

Петр *(с удивлением)*. У Сонины.

Шварц. Не знаю такого. Отстал. Всюду молодежь. *(Помолчав.)* И новые средства лечения... Иной раз ловишь себя на мысли, что знания твои стали просто ничтожны... Вот прикупать ли к десятке — тут еще существует опыт... и интуиция. Печально, не так ли?

Петр. Какого черта... Зачем вы все это мне рассказываете?

Шварц *(долго молча смотрит на Петра)*. Вы часто вспоминаете вашего отца?

Петр. Я вижу его каждый день.

Шварц. Вероятно, я не так выразился... Речь идет не о Николае Ивановиче. *(Проникновенно.)* Я говорю о вашем действительном отце.

Петр *(едко)*. Ну, этого человека можно было бы, скорее, назвать недействительным. К счастью, я никогда не видел его. Я плохо помню свою мать, но одно я запомнил крепко — она никогда не говорила мне о нем. Никогда. Вы понимаете, что это значит?

Шварц *(тихо)*. Да.

Петр. Когда я вырос, я прочел несколько его писем к маме — написать их мог только негодяй... *(Помолчав.)* Но, собственно, почему вас занимает этот человек?

Шварц *(у него перехватило голос)*. Я... Видите ли, я хотел... Мне казалось...

Петр. Не понимаю вас.

Шварц. Мне казалось — я знал этого человека... Был с ним знаком. Да-да, именно так! И я думал, что вас это заинтересует... Не правда ли?

Петр. Увы, ваши познания в этом вопросе мне решительно безразличны.

Шварц *(тихо)*. Вот как?

Петр. Мне безразлично даже, жив этот человек или мертв.

Шварц. И это правда?

Петр. Да.

Шварц (совсем тихо). Я все понял. Простите. Мне надо уложить вещи. Ведь поезд, кажется, отходит в одиннадцать тридцать?.. С этими носильщиками всегда столько беспокойств, а я уже стар... (Идет к двери.) Не надо ни о чем печалиться, все будет хорошо... мой милый. (Уходит.)

Петр садится и в волнении читает бумагу, которую ему дал Шварц. По веранде, не останавливаясь, проходит с чемоданом Ирина, она спускается в сад. Через мгновение мы слышим, как хлопнула калитка. Петр все еще просматривает бумагу. Из сада идет Антон.

Антон. Петька...

Петр (не отрывая глаз от бумаги). Ну что еще?

Антон. Приготовься к длинной исповеди... Не горюй — это будет захватывающая история.

Петр (кладет бумагу в карман). Рассказывай.

Наташа (входя). Ну вот я и вернулась, Антоша.

Петр. Исповедь, насколько я понимаю, откладывается? (Идет к двери.)

Антон (не очень твердо). Куда же ты, Петя?..

Петр. Шварц сообщил нечто новое. Мне надо срочно позвонить в область. (Уходит.)

Наташа (поглядела вслед Петру, помолчала, затем обернулась к Антону). Ты хотел сказать что-то?

Антон. Да... И тебе и Петру. Как это ни странно, Наташа... Словом, я решил остаться.

Наташа. Где?

Антон. Здесь, в этом доме... С отцом. (Не сразу.) С тобой.

Наташа (быстро). Будешь писать новую книгу?

Антон. Может, и напишу... когда-нибудь. А сейчас я хочу работать у Петра. Врачом.

Наташа. И ты не раздумаешь? Что бы ни случилось?

Антон. Нет. (Подумал.) А что может случиться?

Наташа улыбнулась, пожала плечами.

Знаешь, ночью я думал о Шварце. В его судьбе есть нечто пугающее... Перекати-поле. И всегда один... К черту! Хочу начать все сначала.

Н а т а ш а. Все?

А н т о н. Все.

Н а т а ш а. Мне кажется, что все начать сначала нельзя.

А н т о н. Но разве ты, расставаясь с Петром, не хотела все начать сначала?

Н а т а ш а. Я была ему плохой женой — слишком отчетливо помнила себя и тебя вместе. И от Петра хотела того же. А он другой. И никогда ничто не повторяется. Разве просто мне было забыть тебя, милый?.. Он догадывался, нет, хуже — знал, что я считаю наш брак ошибкой, что это одиночество толкнуло меня к нему, неприютность, тоска по человеку... Иногда он срывался — ведь он такой гордый — и все-таки терпел, и, боже мой, как нам было тогда невесело друг с другом!.. И это продолжалось бы вечно, если бы не твой приезд. Я очень благодарна, что ты вернулся, Антоша. Ведь только теперь я узнала, что не люблю тебя больше. (*Ласково, но твердо.*) Не обижайся, я понимаю, что когда ты в шутку говоришь о своей любви — это и есть шутка... Верно ведь? И поэтому тебе, как другу, я могу сказать всю правду.

А н т о н. Да. Конечно. Говори.

Н а т а ш а. Только теперь, когда я увидела тебя, я начинаю догадываться, как мне дорог Петр... Его неудачи, ошибки, победы — ведь все это принадлежит мне.

А н т о н. Я понимаю.

Н а т а ш а. И вот теперь, когда мы расстались, у меня нет сил сказать ему про это... Мне очень стыдно, ведь он не простит, нет, ни за что не простит меня.

Долгое молчание.

А н т о н. Знаешь, в одной старой книге я прочел такие строки: «Наконец-то у моего сына разбито сердце, теперь он мо-

жет начать действовать». Конечно, это не созвучно эпохе, но в общем верно.

Наташа (помолчав). Ты все-таки умница.

Антон. Ты тоже не промах. (Весело.) Недаром я любил тебя... когда-то.

Петр (возвращается). Разговор по телефону был не так уж плох. Можешь поздравить меня, братец. Бой с Молодцовым не кончен.

Наташа. Петя! Он решил не возвращаться в Москву... хочет остаться у нас.

Петр (подумав). Перворазрядная новость. (Поглядел на Наташу, усмехнулся.) Закономерная в какой-то степени.

Наташа (чуть улыбаясь). Все это довольно странно, но он хочет работать в твоей больнице. Врачом.

Петр (обернулся к Антону). Она не врет?

Антон. Что за выражение, Петушок.

Петр. Ты, верно, все перезабыл, лауреат?

Антон. Могу и вспомнить. Ты отказываешься мне в этом помочь, Петух?

Петр. Черт тебя знает... всю жизнь я должен с тобой возиться. Ты ведь знаешь, в больнице мне как раз не хватает хирурга...

Пауза.

А как же наша замечательная советская литература? Она теряет тебя, Антон Охотников?

Антон (улыбнулся). Поживем — увидим.

Петр (Наташе). Вот только на вас обоих мне будет не очень весело смотреть. Глупо все получилось, правда?

Антон. Глупее, чем ты предполагаешь.

Петр. Почему?

Антон (не сразу). Эта неразумная женщина любит тебя, Петушок. Она только что мне в этом призналась.

Петр (Наташе). Что он тут врет?

Антон. Хитрая женщина твоя жена. Она выбрала весьма удачный момент, чтобы рассказать, как тебя любит...

(Чуть улыбнулся.) А мои слова так и остались несказанными.

Наташа. Вряд ли они могли что-нибудь изменить, Тоша.

Петр. К дьяволу! Мне не нравится, как вы разговариваете. Если она тебя не любит — нечего вам тут разыгрывать черт-те что!

Наташа. Ну вот... Ты опять начинаешь?

Петр. Я молчу.

Антон. Все это, конечно, пустяки, братцы... Я буду жить с вами рядом и, может быть, привыкну к вашему счастью — чем черт не шутит. А может быть, просто возьми и перестану тебя любить... да, Наташа? Сколько их было, разных историй, и вот — все забылись, правда? Не сердись, Петушок, но я останусь с вами рядом, потому что мне это очень трудно. *(Резко.)* А мне надоело, здорово надоело легкое!

Наташа. Ты стал похож на Петра.

Антон. Спасибо... Ты не могла похвалить меня больше.

Входит Черемушкина.

Черемушкина. Доброе утро... Я не помешала? Собственно, я на минуточку... Читатели нашей библиотеки хорошо знают вас, Петр Николаевич... к тому же и я лично очень вам благодарна за то...

Петр *(улыбнулся)*. Анна Трофимовна, это уже все слышали неоднократно.

Черемушкина. Мне хочется, чтобы были ясны побудительные причины... Прошел слух, что вас хотят уволить, а вы необычайно драгоценный для нас человек... В связи с этим общественность обращается в газету с письмом — тут больше ста подписей, все люди уважаемые и заслуженные... Но мы не знаем, удобно ли без вашего разрешения делать этот документ достоянием гласности.

Петр *(резко)*. Неудобно. И печатать. И делать достоянием гласности.

Черемушкина (робко). Хорошо. (Помолчав.) Но если какая-нибудь беда или... Общественность — это большая сила. (С некоторым смущением оглядела остальных.) Ну вот, а в газете сегодня опять... разные новости.

Антон (Черемушкиной). Простите мне вчерашнее, Анна Трофимовна... Стыдно вспомнить, ей-богу...

Черемушкина (живо). Что вы!.. Это я была излишне настойчива, совершенно потеряла тактичность... Но иногда так хочется сделать приятное читателю.

Антон. Простите... И спасибо.

Черемушкина (поражена). За что же?

Антон. Вы помогли мне... увидеть себя. Дорогая Анна Трофимовна — это стоит многого.

Черемушкина. Вероятно, вы творческий кризис переживаете? Так ведь это пустяки! В газете пишут, что этим страдают очень многие. Может быть, вам надо показать жизнь? У нас тут для этого имеются большие возможности. Я сама могу вас познакомить с замечательными, работающими людьми... Иногда попадаются просто удивительные личности.

Антон. Благодарю. (Улыбнулся.) Но, пожалуй, жизнь мне показывать все же не стоит. Я лучше попробую в нее вмешаться.

Черемушкина (закивала головой). Конечно, конечно...

В саду появляется Лиза.

Лиза (торопливо подходит к Петру). Николай Эрнестович не уехал еще?

Петр. Нет.

Лиза. Петенька... (Стараясь угадать.) Говорили вы с ним?

Петр. О чем?

Лиза (с облегчением). Ну, слава богу.

Николай Иванович (входит). Антон, куда Ирина Александровна поехала? Я ее на попутной машине видел.

Антон (чуть удивленно). Не долго собиралась. (Помолчав.)

Ну, что же... (Резковато.) В Москву вызвали. Спешно.

Николай Иванович. Отчего же внезапно так?

Лиза. Вы поглядите, как расстроился... (Николаю Ивановичу.)
Ах ты моя бедняжка.

Появляется Шварц. Он неправдоподобно осунулся, как-то совсем увял, даже одет небрежно. Дойдя до середины веранды, он останавливается, ставит чемодан на пол и медленно оглядывает всех присутствующих.

Шварц (негромко). Желаю всем доброго здоровья. (Оборачивается к Лизе.) Елизавета Сергеевна, я бесконечно благодарен вам. (Смотрит на Петра.) Был рад познакомиться с вами, Петр Николаевич. Видимо, мы больше не встретимся с вами. Никогда.

Лиза. Вот и ладненько.

Шварц (подходит к Николаю Ивановичу). Мне стало известно, что у Петра Николаевича частые ангины. Я мог бы порекомендовать вырезать ему гланды... (Пауза.) Не так ли?

Николай Иванович (ошеломлен). Вполне возможно.

Шварц. Во многих случаях это дает отличные результаты. Я прошу вас, Елизавета Сергеевна, лично проследить за этим.

Лиза. Вырежем обязательно... Только вы на поезд не опоздайте.

Шварц (оглядывает всех). Очень прискорбно, что дома у вас никто не играет в карты... Не пришлось сразиться. (Идет к выходу, останавливается возле Петра, делает движение к нему, словно хочет поцеловать, но руки его повисают в воздухе.) Кажется, часы остановились... (Улыбается, уходит.)

Наташа. Какой он странный, правда?

Петр (непонятно взволнован). Да... Удивительный.

Лиза. Уехал... Вот и хорошо. Вот и слава богу.

Из сада почти бегом возвращается Шварц. Он смотрит на Петра, кажется, он хочет сказать что-то. Волнение его передается и остальным. Лиза выходит вперед, словно загоразживая собой Петра. Тогда Шварц подходит к столику, на котором стоит фотография Петра, вынимает ее из рамки, кладет в карман.

Шварц (своим обычным тоном). Вас не должно это удивлять, Петр Николаевич. Я собираю фотоколлекцию ревизуемых мною лиц... Это помогает мне коротать осенние вечера. (Кланяется и уходит.)

Антон. Вот комик...

Лиза (задумчиво). Не надо смеяться над ним, мальчик.

Черемушкина. Как он необыкновенно посмотрел на вас, Петр Николаевич.

Петр. Я даже взволновался... (Недоуменно.) Чертовщина какая-то.

Лиза (быстро). Коленька, я провожу его... А то еще опять что-нибудь... Идем со мной, Нюта. (Уходит с Черемушкиной в сад.)

Антон спускается на ступеньки веранды, смотрит им вслед.

Наташа. Петр...

Петр. Ну?

Наташа (улыбаясь). Если не трудно, помоги перенести мои чемоданы... к тебе наверх.

Петр. Ладно, потащим... В последний раз?

Наташа. Теперь-то? Конечно.

Они уходят в дом. Антон возвращается на веранду.

Николай Иванович (с улыбкой смотрит на него). Ну, что скажешь... Антошкин?

Антон. Сегодня я наконец вернулся к тебе. Навсегда. Понимаешь?

Николай Иванович (негромко). Я очень рад, Николаич.

Антон. Ты не огорчайся за меня, ладно?.. Подумаешь — один сразу хватает за хвост синичку, а другому приходится изрядно постранствовать, прежде чем он найдет дорогу... к самому себе. Ведь, в сущности, я неплохой парень.

Сверху слышен смех Петра и Наташи.

Они правы — все это, конечно, чуточку смешно... У нее была удивительно удобная рука — очень хорошо укладыва-

лась в моей. Ничего, ничего, просто я не привык к беде. Но я привыкну, и все пройдет. (Кричит.) И хватит смеяться! В конце концов, это просто нетактично!.. (Садится совсем рядом с отцом.) Давай-ка лучше помечтаем, как мы отправимся с тобой путешествовать... Ты возьмешь отпуск, и я возьму отпуск, мы сядем с тобой на пароход и поедем куда захотим...

Занавес

1961